

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

КОММЕРСАНТ

Андрей Воронин ОХОТА НА ОТРАЖЕНИЕ

ДЕТЕКТИВ

СТАВКА НА МОРЕ

Атаман

Андрей Воронин

Атаман. Охота на отражение

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Атаман. Охота на отражение / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2014 — (Атаман)

ISBN 978-985-18-3546-7

Волна вооруженного бандитизма прокатилась по югу России в самом жестком, беспредельном проявлении – похищение людей с целью выкупа, пожалуй, самое обыденное дело, грабежи, разбойные нападения, кровавые расправы над неподчинившимися на фоне продажных чиновников, пьющих и жирующих на глазах у простых людей. Как выжить там, где действует закон волчьей стаи? Герой романа Юрий Терпухин не становится на колени перед обстоятельствами, даже если на карту поставлена его жизнь, – либо в банду, грабить и убивать, либо умереть. Выбранный Атаманом, он обращается к истокам, к корням своего народа. Русский казак – воин и труженик, а не бандит с большой дороги.

УДК 821.161.1(476)-312.4

ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3546-7

© Воронин А. Н., 2014

© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Пролог. Дурная репутация	6
Глава 1. Третья жертва	17
Глава 2. Проблемы психики	28
Глава 3. Еще один	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Воронин

Атаман. Охота на отражение

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

* * *

*Герои, события и места действия – вымышлены. Любое
совпадение с реальными людьми и ситуациями – случайно.*

Пролог. Дурная репутация

1.

Атаману позвонили среди ночи. Юрий проснулся, помотал головой, выругался. Он терпеть не мог такие вот ночные встряски. Даже не потому, что они, как правило, означали какие-то проблемы. Просто вы найдите хоть одного человека на свете, чтобы был в здравом уме и при этом не любил бы нормально поспать.

Терпухин протянул руку к телефону и снял трубку.

– Я слушаю, – сказал он, чуть откашлявшись.

– Юрий? Это сосед твой, Прохоров.

Терпухин потратил несколько секунд на то, чтобы сообразить. Потом догадался, что соседом этот человек может называться только по здешним меркам. Он живет на хуторе в пятнадцати километрах от станицы – ну какое тут соседство, если мерить мерками нормального человека.

– А, Николай... Ты чего всполошился в такое время? – спросил Атаман.

С Николаем Прохоровым они общались достаточно плотно – хуторянин, мужчина сорока пяти лет, три месяца назад вышел в отставку по ранению: получил осколок самодельной противопехотной мины в Чечне, так что теперь жил фактически на полутора легких.

Атаман сошелся с ним именно на почве обсуждения чеченской войны. Прохоров, хоть и командовал мотострелковым батальоном, отзывался о кампании исключительно негативно и любил повторять, что если бы не присяга, то он бы не по чеченцам стрелял, а по тем, которые сидят в мягких креслах и стелют необстрелянных пацанов в этой проклятой дыре, как солому.

В общем, какой бы ни была позиция Николая, но в Чечне за его голову назначили довольно весомую награду. И если бы не его выход в отставку, может, и нашла бы эта награда какого-нибудь моджахеда.

– Юра, ты только не сочти меня полоумным, но что-то нехорошо вокруг хутора. Кто-то с фонариком ходил, теперь вот собаки надрываются. Мне это не нравится. Шкурой чувствую.

Терпухин насторожился. Прохоров не получил в наследство от своих военных будней традиционные нервные расстройства. Значит, что-то происходит на самом деле.

– А может, картошечкой твоей поживиться решили? Слышал – у Возницыных гектара три выкопали да еще и самого хозяина из ружья чуть не пристрелили?

– Это я, конечно, помню. Только картошка моя растет совсем не в той стороне.

– Ясно. Так что требуется от меня?

– Да я толком не знаю. Не мешало бы подстраховаться, попросить тебя подъехать. А с другой стороны, стыдно. Вдруг тревога ложная?

– Стыдно не стыдно, а если все-таки нет? Тогда что?

– Тогда, судя по всему, будет мне несладко.

Атаман ненадолго задумался. Тут, в степи, как и несколько лет назад, было беспокойно. И подход ко всему требовался исключительно местный, в полном соответствии с известной поговоркой про свой устав и чужой монастырь.

Конечно, это могли быть простые охотники до легкого хлеба, вздумавшие устроить набег на одинокий хутор с населением в одну семью. Но нельзя забывать и про ту самую награду за голову Прохорова. Ее ведь никто не отменял – не такая эта называющая себя мусульманской братия. Ее злоба не имеет срока давности и не проходит лишь потому, что человек отошел в сторону. Чеченская кровная месть – это похлеще, чем корсиканская вендетта.

– Ладно, Николай. Ты не волнуйся. Я, наверное, подъеду к тебе все-таки.

– Погоди. Не рви сердце. Я немного осмотрюсь, проверю, что и как, а потом еще раз позвоню и скажу – или тебе приехать, или ложиться спать. Короче, я...

И тут связь прервалась.

Атаман, нахмурившись, посмотрел на трубку, в которой раздавались короткие гудки. Чем бы ни был вызван обрыв связи, он не предвещал ничего хорошего.

Юрий стал одеваться.

После того как была застегнута последняя пуговица на камуфляже, он отбросил угол паласа, открывая доступ к люку в подпол. Там Атаман хранил то, чего ему, строго говоря, не полагалось. И уголовных статей он за этот небольшой арсенал мог обрести столько, что хватило бы на очень приличный срок.

Терпухин спустился вниз, включил свет. Озарившееся холодным галогеновым сиянием подземелье было небольшим, почти кубическим, стены были отделаны широкими досками, строгаными и промазанными олифой. Здесь не было традиционных для американского кино стеллажей с множеством устрашающих «стволов». Только старый комод у одной из стен, а еще стол и стул.

Терпухин выдвинул нижний ящик комода, извлек оттуда пенопластовый лоток с гранатами «ф-1». Взял две штуки, сунул в карман куртки. Из среднего ящика вытащил пистолет Стечкина. Эта машинка появилась у него не так давно – после удачного общения с одним ушлым типом, занимающимся торговлей всякими смертоносными железяками. К пистолету Терпухин захватил две запасные обоймы. Подумал: а не запастись ли еще и патронами? Но в итоге решил не заниматься ерундой. В конце концов, не с одним же только «АПС» он поедет к Прохорову!

То, что Терпухин собирался взять, находилось у него прямо в доме, так как не попадало под категорию запрещенного оружия.

Он сел в машину, отягощенный охотничьим карабином «манлихер» и тяжелым «ножом выживания» на поясе. Этакий тесак в лучших традициях старины Рембо. Очень неплох как рабочий инструмент, а уж по части психологического устрашения. Атаман однажды только показал его противнику – и хватило! Правда, «противник» тот – трое сосунков, пожалевших сатисфакции за небольшой урок хороших манер, преподанный им Терпухиным в городе. Главное, не поленились, выследили, приехали, бряцая газовыми пистолетами и китайскими складными «навахами». Юрий вышел к ним с этим вот килорезом. И получилось, как в старом фильме про крокодила Данди.

Карабин привычно лег на специальную подставочку между передними сиденьями – Терпухин сам смастерил это устройство по примеру того, что видел в кино про американских полицейских.

А теперь надо было быстро двигать на хутор Прохорова.

2.

Прохоров осторожно вышел в сени, посмотрел сквозь широкое окно наружу, туда, где еще недавно мельтешили огоньки маленьких китайских фонариков-карандашиков. Теперь темнота казалась просто непроглядной. Август – самая пора таких ночей, хоть глаз выколи.

Николай шагнул на крыльцо, прислушался, принюхался. Степь пахла как обычно. Однако воздух был тяжелый и вязкий. Судя по всему, погода должна была испортиться в ближайшее время. Как бы в подтверждение этих мыслей, позади дома полыхнула беззвучная зарница, на долю секунды выхватив местность из мрака.

Прохоров, оглядывавший поверх забора окрестности, заметил еще что-то не очень уместное в степи среди ночи. Недалеко от хутора стояла машина... Или показалось? Черт его знает! Он стал ждать следующей вспышки.

Отключившийся телефон, говоря откровенно, очень беспокоил. Хотя с поправкой на древние деревянные столбы и старые, прогнившие провода, ведущие к хутору это достижение цивилизации, тревожиться не стоило. в обычных обстоятельствах.

Но сегодня никак не получалось списать пропавшую связь на поломку линии. Тревожно все это, ох как тревожно!

Машинально Николай посильнее сжал цевье двустволки. Ощущение под пальцами шлифованного дерева придавало некоторую уверенность. Хотя, конечно, какая тут уверенность – темнотища, гроза, какие-то сволочи околачиваются возле хутора.

Хоть бы Терпухин скорее подъехал, что ли!

Захотелось курить. Прохоров пошарил по карманам, но помятая пачка из-под «Балканской звезды» оказалась пустой. За сигаретами надо было идти в дом.

Полыхнуло еще раз – куда ярче. И прежде чем раздалось гулкое урчание далекого раската, Прохоров убедился: машина вправду была. Легковая, темного цвета, она стояла примерно в трехстах метрах от хутора. Прохоров почувствовал, как защемило под сердцем. Одновременно напомнило о себе поврежденное легкое – вначале короткой вспышкой боли, а потом спазмом тяжелого сиплого кашля. Кое-как справившись с ним, Прохоров сплюнул на землю и в свете очередной зарницы увидел, что кашляет он кровью.

Мысленно он пообещал себе: если этой ночью все разрулится в нормальном русле, то с утра он поедет наконец к врачу.

Гром ударил над степью сочным округлым басом. На него заполошным лаем отозвалась Грета – кавказская с примесью немецкой овчарка. Злющая и истеричная от такого генетического безобразия в своей крови, она признавала хозяином только Прохорова, а жену его и детей терпела. Кусать не пыталась, но даже самый младший из троих отпрысков – Васятка – не приближался к этой зверюге.

Прохоров повернулся в ее сторону, хотел было прикрикнуть.

Выстрел прогремел совсем не страшно, а по сравнению с раскатом приближающейся грозы – даже игрушечно. Грета обиженно взвизгнула, потом залаяла, но с такой болью, что Николая передернуло.

Когда раздался второй выстрел и лай захлебнулся, он уже бежал туда, на задний двор, пригибаясь и взводя курки ружья.

Собака лежала бесформенной грудой, не шевелясь. Прохоров, увидев ее в блеске зарницы, выругался, вскинул ружье и провел стволами вдоль забора, ища мишень, в которую прямо сейчас можно всадить заряд крупной картечи. Пожалел, что не зарядил ружье пулей.

Нет никого. Будто это просто залетела от далекой грозы шальная молния, громыхнула здесь, во дворе, и завершила свою сверкающую жизнь, прихватив Грету.

Прохоров отчетливо услышал громкий шорох слева от дома. Бросился на звук, увидел мелькнувшую тень – явно человеческую. Не тратя времени на окрики и вопросы, рванул спусковые крючки ружья. Дуплет разорвал в клочья напряженный предгрозового воздуха. С громким звоном разлетелась на куски сохнувшая на заборе трехлитровая банка.

В ответ выстрелили. Пуля глухо стукнула в стену над головой. И сразу же с другой стороны забора послышалась гортанная, знакомая речь. Чеченцы! Откуда, зачем? Хотя зачем – понятно. Видимо, не дает кому-то покоя назначенная награда.

Перезаряжая на ходу ружье, Прохоров бросился в дом. И тут кто-то упал ему в ноги. Теряя оружие, Николай полетел головой вперед и так ударился о нижнюю ступеньку крыльца, что из глаз посыпались искры.

Сверху уже наваливались, заломали за спину руки. Прохоров рванулся, изворачиваясь, лягнул кого-то, и тут ему в солнечное сплетение врезался приклад ружья – будто бы локомотив на полной скорости. Воздух, казалось, весь вылетел из легких. Прохоров потерял сознание.

3.

Очнулся он оттого, что его ударили по лицу. Ударили сильно, унижительно. Прохоров ощутил во рту соленое, хотел провести рукой по губам, но руки оказались связанными позади спинки стула. Николай еще не успел этого понять, как последовала вторая оплеуха – такая же хлесткая, но безопасная. Как в кино: «Бить буду аккуратно, но сильно!» Только здесь, похоже, далеко не комедия.

Он открыл глаза и увидел собственную гостиную. Правда, виделась она не очень ясно – мало того что на лице налипло изрядное количество подсохшей крови, так еще и некто не поленился направить в лицо связанному пленнику настольную лампу.

– Свет уберите! – проворчал Николай.

Лампа померкла.

– Так удобнее? – произнес хриловатый голос, владелец которого теперь вырисовывался неверным силуэтом в каскаде разноцветных пятен, пляшущих перед глазами.

– Гораздо, – ответил Прохоров.

Сзади и сбоку всхлипнули. Николай ухитрился развернуться, увидел жену, тоже привязанную к стулу. Детей не было, и это вызывало тревогу.

Когда зрение Николая немного прояснилось, оказалось, что говоривший молод, черноволос, несколько массивен. И красив дикой, опасной красотой, какой может похвастаться тигр.

– Это что за игры? – неприветливо спросил Прохоров.

– Зачем игры? – удивился кавказец. – Это по-настоящему. Играть с тобой и твоими домашними мы еще даже не начали. Но обязательно начнем.

Это было произнесено таким тоном, что Прохоров ощутил приступ отчаяния. Пошевелил руками, ногами. Ну да, спеленали на совесть, из такого бы даже Гудини не сразу выбрался. А с поправкой на то, что тут пять мордоворотов известного фенотипа, великий фокусник мог разве что положиться на Бога.

– А это обязательно? Я понимаю: ко мне у вас счеты, но при чем моя семья?

– Семья? Да ни при чем. Но если мы тут будем играть в рыцарей, то ничего не добьемся. Зарежем тебя – и что? Кому ты, на хрен, интересен? А вот ежели еще и поиграем с твоими родителями – другое дело. Тогда, может, шакалы вроде тебя трижды подумают, прежде чем соваться в Ичкерия!

– Глупости это. Все, что будет, – на вас просто обозлятся и при первой возможности вас прикончат.

– Нас и без того прикончат! И злиться на нас еще больше – глупо. Год назад мы взяли немало вашей злобы.

Прохоров несколько секунд соображал – что же такого было год назад, чем могли отличаться эти ребята?

И вдруг понял. Но не поверил.

– Вы что, тоже в Беслане были?

Чеченец, который вел беседу с Прохоровым, сверкнул ослепительной улыбкой.

– Какой ты догадливый! Да, не обошлось там без нашего присутствия. Только чудом спаслись. Аллах нас любит, оказывается. Мы уходили тайными тропками, а потом просто затерялись у вас тут. Несложно, право слово! Юг – через одного все черные!

– Жаль, что вы ушли, – покачал головой Николай.

Чеченец пожал плечами.

– Это не нам с тобой решать. Если Аллаху было угодно, чтобы мы спаслись, значит, на то его воля, и плевать на ваши пули, милицию и тому подобное! И значит, мы должны его отблагодарить. Понимаешь?

Прохоров зажмурился от ненависти, которая в этот момент блеснула в глазах «воина пророка».

– Меня там не было, – пробормотал Николай и пожалел о сказанном. Эх, будь он один, не раздаваясь рядом плача до смерти перепуганной жены. Наверное, тогда изображать героя было бы несложно.

Прохоров молча посмотрел в глаза чеченца. Тот ухмыльнулся.

– Умар, ты чего тормозишь? – зло проговорил другой боевик.

– Что? Не терпится? Послушай, Джафар: если ты торопишься в любом деле – никогда по-настоящему не почувствуешь вкуса жизни. Настоящий джигит никогда не торопится, когда речь идет об удовольствии. Запомни: ты можешь есть, пить, смотреть на звезды, быть с женщиной – но все это требует неспешности и смакования. И месть – тоже. Вот смотри: перед нами враг. Если бы мы его просто пристрелили – это было бы хорошо. Но когда ты увидишь его муки, когда ты не только его прикончишь, но и весь его поганый род пресечешь на корню – вот тогда ты почувствуешь истинный вкус мести. Понимаешь?

Джафар внимал словам Умара только что не с раскрытым ртом. Видно было, что тяжеловатый чеченец – главарь в этой группке. И подчиненные его почти боготворят.

Это плохо. Очень плохо.

Умар между тем присел на корточки перед связанным Прохоровым и спросил:

– Вот у тебя, майор, трое детей. Правильно? Два мальчика, девочка – прекрасная девочка. Но я не о том. Я хочу спросить тебя: кого из них ты не любишь больше всего?

– Что ты мелешь? – напрягся Прохоров.

– Я не мелю. Просто мне очень трудно выбрать того из твоих детей, с которого я мог бы начать свою процедуру.

На несколько секунд повисла пауза. А потом отчаянно закричала Галина. Она рвалась в своих веревках, пытаясь освободиться.

– Чего ты мечешься? – презрительно спросил Умар. – Я еще ничего не делаю. А если и начну, то твои истерики мне по барабану.

Прохоров отметил, что этот боевик не очень вписывается в свой образ. То он говорит, как дворовое отребье, а то начинает строить фразы почти интеллигентно.

– Так как, майор? Что скажешь?

Прохоров процедил сквозь зубы:

– Если хоть волос на голове тронешь.

– И что? – рассмеялся чеченец. – Что ты мне сделаешь? Мы позаботились о том, чтоб тебя малость обломать. Ладно. Значит, молчишь. Получается, что ты всех своих детей любишь одинаково? Очень хорошо. Ты правильный отец, майор. Нельзя любовь свою промеж детей не поровну делить.

Прохоров молчал, исподлобья буравя Умара ненавидящими глазами.

А чеченец, почувствовав кураж, уже откровенно играл на публику, причем напропалую – и для своих помощников, и для пленников.

– Значит, так. Придется по жребия, чтоб никому обидно не было. А то обидятся дети на несправедливость.

Галина закричала что-то. Умар нахмурился, покачал головой:

– Я не понимаю тебя, женщина.

– Лучше меня первой убей! – кричала Галина.

– Нет, это ты зря. Убить тебя – нехитро. А когда ты увидишь смерть своих детей.

И Умар решительно шагнул из комнаты в коридор. Галина выла, из прокушенной нижней губы текла кровь. Прохоров услышал, как в прихожей грохнула подвальная дверь. Ясно, куда эти твари подевали детей.

Николай рванулся еще и еще. Стул покачнулся, потерял равновесие и вместе с привязанным пленником обрушился на пол. Прохоров ударился головой, и свет в его глазах вновь померк. Но совсем ненадолго, на этот раз его привел в чувство отчаянный плач Васьки.

– Поднимите его, что вы смотрите?! – рявкнул Умар.

Чеченцы поставили стул на место. Николай взглянул на жену и увидел, что она в глубоком обмороке: повиснув на веревках, она скособочилась на сиденье, напоминая огромную тряпичную куклу.

– Я подумал, что так будет правильно, – глумливо сказал Умар. – Просто у вас в обществе принято, чтобы мужчины были на первом месте. Это называется джентльменством. Вот пусть твой сын и проявляет джентльменство.

– Ты зверь, – сказал Прохоров. – Ему же только пять лет!

– Без разницы. Он – мужчина. Наша с вами война идет уже вторую сотню лет и будет продолжаться еще столько же. Из этого щенка вполне может вырасти боец. Тем более что отец бойцом был настоящим. Стоит ли оставлять в живых того, кто потом будет убивать чеченских людей?

Остальные четверо боевиков одобрительно загудели. Прохоров подумал, что эти твари похожи на стаю какой-то мелкой хищной швали. Они только так и способны воевать – уничтожая детей и женщин.

Прохоров стал дергать веревки, связывающие запястья. В комнате было жарко, пот тек по его телу, кожа стала скользкой. Возможно, что-нибудь получится.

Умар приказал привести в чувство Галину. Потом ей зажали голову так, чтобы она смотрела не отрываясь.

Чеченец вытащил из чехла на поясе длинный узкий кинжал, напоминающий морской кортик, и, отпустив руку Васи, перехватил его за волосы.

Теперь уже закричал и Прохоров. Потому что понял: все кончено, никакой надежды. И Терпухин, зараза, пропал где-то на пути к хутору.

Галина лишилась сознания, когда Умар, ощерив зубы в бешеной ухмылке, стал отрезать ребенку голову. Васятка захлебнулся криком и обмяк, подергиваясь. Николай, натянув путы, в отчаянии рычал. Ребенок еще несколько раз дернулся и затих.

Тело Васятки упало на пол. Голова осталась в кулаке боевика.

– Сволочь, мразь. – цедил сквозь зубы Николай, почувствовавший, что веревки все-таки стали поддаваться.

– Ничего, это ненадолго, – «успокоил» Умар. – Ты по кавказским меркам человек не очень многодетный. Хотя, конечно, было бы интереснее, окажись у тебя с полдюжины вырождков.

Умар снова ухмыльнулся и отправился в подвал. Мимоходом бросил:

– Двое, проверьте, как там на улице. Мало ли чего!

Два боевика из четырех выскользнули вон из дома.

4.

Темно-зеленая «Нива» Терпухина пылила по степной дороге. Юрий негромко ругался вслух – трудно разогнаться на этой грунтовке. Еще недавно дорога была ровная и плотная, но потом по ней прошла техника на строительство ветки магистрального газопровода, и под ее беспощадными гусеницами наезженная грунтовая дорога превратилась в раздолбанную колею, на которой даже днем нельзя было держать скорость больше семидесяти километров в час.

Иначе или подвеска автомобиля полетит, или у автомобилиста внутренние органы поотрываются.

Ночью – и говорить нечего. Тридцать километров, не больше. И как ни старался Терпухин, он не мог ехать резвее.

У Атамана было очень дурное предчувствие. Как будто и ехать уже нет смысла. Юрий отгонял от себя эти мысли и продолжал всматриваться в призрачный в свете фар пейзаж.

Пятнадцать километров растянулись на сорок минут. Наверное, еще никогда Атаман не чувствовал себя настолько опоздавшим.

Еще издали он увидел стоящий возле хутора автомобиль и немедленно погасил фары – мало ли что там сейчас. Свернув с дороги, Атаман оставил машину и, закинув за спину карабин, пригибаясь, побежал к хутору. Под ботинками негромко похрустывала начавшая жухнуть трава.

Атаман открыл капот машины, вырвал клеммы аккумулятора. Если эти люди приехали сюда с добром, то потом он извинится. А если со злом – их ждет неприятный сюрприз.

Надвигалась гроза, на небосводе вовсю играли зарницы, и уже слышался гром. Светящиеся окна хутора выглядели на фоне этой апокалипсической картины особенно неестественно.

Атаман подобрался к забору, остановился, прислушался. Наверное, было бы непоправимо глупой идеей сунуться на хутор сразу же. Брошенная машина – это, конечно, еще не показатель, но, с другой стороны, пропавшая связь – тревожный сигнал.

Вначале он не слышал ничего. Потом из дома донесся невыносимый для нервов, режущий по сердцу ржавой пилой женский крик. От него у Атамана возникло инстинктивное стремление немедленно ворваться в дом. Терпухин удержал себя, потому что скорее всего все закончилось бы для него летальным исходом. Что бы там ни происходило, кто бы ни «наехал» на Прохорова, эти люди при оружии. Иначе не сунулись бы к военному, пусть даже и в отставку. Значит, и отваги на то, чтобы всадить в незваного гостя пулю-другую, у них достанет.

Терпухин начал быстро соображать. Итак, свет горит только в трех окнах. Можно попробовать пробраться вон к тем трем темным окошкам, осторожно выставить стекло – и вперед. Нападения изнутри ждут гораздо меньше. Тут уже можно сработать, как говорится, без сучка, без задоринки.

Он перелез через забор. Выругался, вспомнив, что у Прохорова есть собака, да такая вредная и злая, что без пули в упор не обойтись, если что.

Но собака не подавала признаков жизни. Терпухин подумал, что ее наверняка прикончили.

Если бы кто-то был во дворе, он услышал бы стук подошв о землю. Но как раз в этот момент гроза снова дала о себе знать, бабахнув так, что мир вздрогнул. Упали первые капли крупного дождя. Они были маслянисто-теплыми – нормальный летний ливень, под которым нельзя замерзнуть, зато укрыться от него можно только под надежной крышей, а не под хлипким зонтиком или китайским дождевиком. Юрий подумал об этом и удивился – ну и туфта в голову лезет.

Он пробежал к темным окнам. Ощупал рамы, посетовал на то, что хозяином Прохоров был славным – ни дребезжания, ни слабины. Штапики прибиты так, что и не поддеть. Но придется.

Атаман вытащил нож, стал цеплять острием тонкие рейки.

Из дому снова донесся крик – теперь, судя по всему, детский. Терпухин выругался. Блеснула молния, Юрий дождался раската и, когда гром разразился над хутором, ударил локтем в стекло. Подождал несколько секунд, убедился, что никто не спешит на шум, и уже хотел было лезть, когда из-за угла вывалились двое.

Терпухин отпрянул от окна, а те застыли. Повисла короткая пауза, в течение которой все соображали, что делать.

Действие началось одновременно – чеченцы схватились за ремни автоматов, перетаскивая оружие из-за спины. Атаман заученным движением послал в свободный полет нож. Трехсотграммовая «игрушка», прошепестев в воздухе, по самую рукоять ушла в грудь чеченцу. Энергии удара хватило, чтобы того приподняло в воздух и опрокинуло наземь спиной.

Тихий стон поверженного еще не успел отзвучать, а Терпухин уже налетел на второго чеченца. Тот, шипя что-то на своем языке, воевал с предохранителем. Не то чтобы оружие отказало – нет, просто пальцы бандита заплетались, отказывались работать со скоростью, полагающейся в таком случае.

Атаман, правда, тоже не успел. Он вцепился в автоматное цевье, отвел в сторону ствол, и тут оружие выпало. Вспышка на секунду озарила задний двор, Атаман почувствовал жар от выстрела, автомат упал на землю. Терпухин ударил растопыренной пятерней по лицу чеченца. Тот, взвыв, отшатнулся.

Юрий продолжал атаку: пнул тяжелым ботинком в колено бандита, добавил кулаком слева в скулу.

В доме суматошно захлопали выстрелы. Атаман, понимая, что ситуация пропадающая, попытался добить упавшего врага, но тот вывернулся, схватил Терпухина за ноги, опрокинул, и они покатались по земле.

Атаман исхитрился и оказался сверху, от души приложившись лбом куда-то в район переносицы чеченца. Тот, издав кваканье, обмяк. Терпухин вцепился правой рукой ему в кадык, сжал пальцы и почувствовал, как они обхватили хрящик. Крутанул, ощутив рвущуюся плоть. Чеченец выгнулся дугой, потом обмяк окончательно. Атаман разжал пальцы, вырванное горло упало в пыль.

Быстро поднявшись, Терпухин извлек нож из груди первого убитого и побежал в дом.

5.

Умар приволок в комнату дочь – четырнадцатилетнюю Настю. Та, бледная и дрожащая, даже не пыталась сопротивляться, пока не увидела кровавую лужу, в которой плавало обезглавленное тело ее младшего брата. Тут она не выдержала, закричала, стала царапаться. Умар, не выпуская ее одежды, взмахнул рукой, хлестнул по лицу. Крик перешел в жалобный стон. Настя упала на колени. Умар взял ее за волосы, развернул лицом к отцу.

Прохоров увидел, что красивое лицо его дочки пересекает багровая полоса – этот гад своей лапой рассек ей кожу.

Умар спросил:

– Она ведь еще девушка?

Прохоров рванулся, чувствуя, что веревки, кажется, поддаются. Чеченец, покачав головой, констатировал:

– По лицу вижу, что девушка. Это хорошо. Это как цветок, который ты можешь сорвать в самом потаенном ущелье.

Он схватил визжащую Настю, полез ей под ночнушку.

За домом грохнул выстрел. Вот уж что никак не перепутаешь с громом! Прохоров понял: Терпухин все-таки пришел, а значит, еще есть надежда. Он снова раскачался на стуле, упал на бок, стал дергать руками в тугих петлях.

Умар жестом остановил рванувшихся к выходу боевиков:

– Стоять! Сначала с этими разобраться!

С этими словами он вонзил нож девушке в живот. Настя, глухо застонав, скорчилась на полу, зажимая рану.

Умар приказал:

– Последнего пащенка сюда!

И тут он заметил, что Прохорову почти удалось вытащить одну руку. Чеченец, выругавшись по-своему, обрушил тяжелый ботинок на голову Николая. Тот затих – удар напрочь вышиб из него сознание. Чеченец подошел к рюкзаку возле стены, вытащил небольшую коробку с проводами. Нажал на ней кнопку, бросил на пол, пошел вон из гостиной. Навстречу ему волокли старшего сына Прохорова – одиннадцатилетнего Алешу.

Умар, перехватив ребенка, тоже пырнул его ножом и отбросил в комнату – туда, где начал приходить в себя Прохоров, где билась в путях ожившая Галина. где отсчитывала последние секунды перед тем, как сработать, зажигательная бомба.

Они вышли на улицу и быстрой трусцой побежали прочь от дома.

Терпухин влетел в дом.

– Николай! – заорал он.

В ответ – женский крик. Он уже бывал у Прохоровых, так что планировку знал. Атаман, держа карабин наперевес, ворвался в гостиную. И остолбенел – такого он еще не видел. Кровь, казалось, была повсюду. Ее тяжелый запах стоял в комнате, смешиваясь с жалобными стонами. Двое привязанных людей, двое детей. трое. Господи! Ребенка-то за что?

И тут Терпухин увидел бомбу. Он ничего не успел сделать, только машинально отшатнулся.

За дверью глухо ахнуло, зазвенели стекла. Волна пламени, коричневого от дыма, вырвалась в коридор. У Терпухина на голове затрещали волосы. Он инстинктивно бросился туда, где был выход.

Вывалился на улицу, упал на живот. Свежий воздух и теплый дождь показались ему обжигающе ледяными. Он оглянулся. Дом горел. Спасать кого-либо не было смысла – живых там нет.

Атаман выругался, ударил кулаком по земле и вскочил. Рванулся к машине. Пробежал триста метров, увидел автомобиль бандитов. Рядом с ним никого не было. Атаман бросился к своему.

«Нива», по счастью, была цела. Терпухин повернул в замке ключ и услышал шум мотора. Рванул с места.

Чеченцев он догнал через несколько минут – как и предполагалось, они уходили к железной дороге. Терпухин до упора вдавил педаль газа в пол и, не обращая внимания на выстрелы, врезался в сжавшуюся кучей четверку врагов. Двое чеченцев отлетели, как кегли. Третий завизжал свиньей, когда «Нива» раздробила ему ногу. Четвертый – Умар – попытался бежать. Юрий поймал его в свет фар, поехал следом.

Чеченец бежал к видневшейся впереди балке. Он не пытался отстреливаться, он просто спасал шкуру.

Терпухин вскинул карабин одной рукой, по-казачьи, будто стреляя из седла. Грохнул выстрел. Чеченец кувыркнулся через голову и замер.

Юрий наехал колесами ему на ноги, выскочил из машины. Умар, рыча от боли и страха, дергался на земле. Терпухин присел над ним и едва успел перехватить руку с ножом. Нет, все-таки это настоящий зверь! Атаман вцепился руками в запястье чеченца, крутанул его, ломая сразу во многих местах.

– Животное, – спокойно сказал он. – Детей-то за что?

– Все-ех! Всех вас под корень!!! – завизжал Умар.

Атаман вытащил нож.

На него накатила такая волна ненависти, что он решил не сдерживаться. Иногда просто необходимо забыть, что ты не зверь.

Когда он возвращался к тем, кого сбил, позади лежало нечто бесформенное, ничем не напоминающее человека.

Дождь смывал кровь – черную, как у демона.

Остальных чеченцев Юрий добил с тем же остервенением. И только потом его согнуло пополам в приступе жесточайшей рвоты.

6.

Майор Коптев посмотрел на Терпухина исподлобья.

– Ты чем думал, когда все это устраивал? Скажи на милость? Что это вообще за самосуд?

– Интересное кино! А они тут, значит, действовали по закону и чести?

Коптев засопел возмущенно, покосился в сторону «труповозки», куда пять минут назад закончили укладывать чеченцев. Да, если говорить честно, было чем возмущаться ему, заместителю начальника Ростовского областного управления по борьбе с терроризмом. Когда тебя вызывают на место по факту появления там группы чеченских боевиков, то никак не можешь ожидать, что эту самую группу ты получишь в разобранном виде.

Бедный стажер Румянцев даже хлопнулся в обморок, когда увидел, что этот чокнутый казак умудрился сотворить с главарем.

– Товарищ майор, вы мне скажите – это нормально, когда тут устраивается охота за головами? Вы ведь не видели, что в доме творилось. А я видел, и теперь не знаю, сколько времени мне это будет сниться.

Коптев понял, что сейчас никак не докажешь вины этого человека. По закону он виноват. Но по совести – нет. Если быть честным до конца, то на зверство всегда надо отвечать тем же, чтобы впредь неповадно было.

– Так что, мне идти вещи собирать? – спросил Терпухин.

– Это зачем еще?

– Ну, арестовать вы меня собираетесь?

Коптев махнул рукой:

– Толку-то.

Дальше началось светопреставление. Атамана повезли в город. И уже там ему начали полоскать мозги. Самое интересное: речи об аресте не шло. Кажется, чины не хотели раздувать дело о самосуде. Им было выгодно, что кто-то взял и уничтожил отряд боевиков.

Но криков и скандала было немерено. Атамана обозвали отморозком, сводили в морг – показать, что он натворил. Будто бы он не видел.

Потом скандал закончился и началось интересное.

Доктор из морга предложил всем посмотреть на фотоснимки левой ладони уничтоженных чеченцев.

– Это еще что такое? – удивился начальник отдела полковник Григорян.

– Это шрам, – пояснил доктор. – Очень любопытный шрам. Одинаковый у всех пятерых.

На фотоснимке были руки, а на руках – рубец, по форме напоминающий ветвистое дерево, направленное кроной к пальцам.

– Ух ты! – проговорил Терпухин. – А я-то думал, что этих ребят уже не осталось!

– Каких? – нахмурился полковник.

– Это «анчары», – пояснил Атаман. – Есть такая организация. То есть это теперь я знаю, что есть. А думал, что их всех перебили.

– Что это еще за «анчары»? – проворчал Григорян, которому только этого не хватало для полноты счастья.

– Давняя история. Когда-то у Усамы бен Ладена было нечто вроде личной гвардии. Они назывались «черными аистами». Про них-то вы слышали?

Было бы странно, если бы про «аистов» не слышали. Все нетерпеливо закивали.

– Так вот, – продолжил Юрий. – Примерно за год до вывода войск из Афганистана Усама решил, что ему нельзя воевать с Союзом только на своей территории. И он стал готовить людей

для проникновения к нам. Это было несколько эмиссаров-мусульман, подкованных идеологически и больших спецов по части военного дела. Как раз к началу войны в Карабахе они были готовы, и их переправили на Кавказ. Собственно, «анчаров» эти эмиссары привезли в качестве домашней заготовки. У бен Ладена работа с идеологией была поставлена не хуже, чем в коммунистической партии. Идея этой группировки вот в чем: анчар – дерево ядовитое. Его соком травили наконечники стрел, просто добавляли его в пищу и питье негодным. Вот и получается примерно следующее. Как сок анчара поражает врага изнутри, так и вы – проникните в самое сердце чужой страны и разите оттуда. «Анчары» некоторое время активно участвовали в чеченской кампании. А потом чем-то не угодили Дудаеву. И тот устроил небольшие внутренние разборки, размолотив их в пух и прах.

– Значит, не полностью размолотил, – проворчал полковник.

– Не удивляюсь, – пожал плечами Атаман. – У «анчаров» есть убежище в горах. Видимо, Дудаев не добрался до него сразу. А потом его убили. А последователи то ли не знали, то ли не захотели доводить дело до конца.

– И чего нам теперь ожидать? – спросил полковник.

– Откуда я знаю, – ответил Атаман. – Но вряд ли будет хуже, чем сейчас.

Его отпустили утром. И это, как оказалось, отнюдь не было концом истории.

Глава 1. Третья жертва

1.

По меркам ГУВД капитан Ревякин был молод и для своего звания, и для занимаемой должности. А был он, ни много ни мало, следователем по особо важным делам. И это в двадцать семь лет! Сам Ревякин по этому поводу загадочно улыбался и говорил: «Уметь надо».

А он – умел. Даже у тех, кому Сергей Ревякин был глубоко неприятен, не вызывала никакого сомнения компетентность молодого следователя. И вопросов о наличии некоей «волосатой лапы», пропихнувшей его на этот пост, не возникало вообще. Просто потому, что таковой лапы в семье Ревякиных отродясь не было.

И династической преемственности тоже не наблюдалось. Отец Сергея работал в обслуживающем персонале курортного комплекса, а матери у следователя не было уже давным-давно.

Три недели назад ему отдали в разработку дело об убийстве. В порту к одному из волнорезов прибило тело, завернутое в полиэтиленовую пленку. Тело выловили баграми рабочие и немедленно, не разворачивая его, вызвали портовую милицию.

Прибыла оперативная группа, посмотрела. Зрелище было – не приведи господь! Молодого парня исполосовали так, что места живого не было. Это было явно не случайное и точно не бытовое убийство. В быту все несколько не красивее, напротив. Но такое.

Однозначно: пытали этого пацана еще живым. А потом, когда неизвестным мучителям надоело глумиться над человеком, они аккуратно пробили ему сердце чем-то вроде заточки или стилета.

Дело забрало себе ГУВД и передало тощую картонную папку прямо в руки молодому и хваткому следователю Ревякину.

Тот взялся за установление личности покойника. И обнаружил, что установить ее не представляется возможным. Лицо – от него мало что осталось. Зубы? Крепкие, здоровые, без пломб и повреждений. Отпечатки пальцев, правда, сняли. Но толку – никакого. Этот парень, кем бы он ни был, не проходил ни по одному делу.

Ясно, пожалуй, было только то, что убитый – кавказец. Это доказывалось и строением черепа, и особенностями волосяного покрова на теле, и цветом кожи – характерно смугловатым.

Кавказец – это хреново. Публика с этих ненормальных гор всегда отличалась повышенной склонностью к выяснению каких-то отношений по-свойски, ножом и пулей. И вообще кавказец сродни стихийному бедствию. И пусть себе морщат лбы в гримасе отвращения всяческие сторонники пацифизма и того, что все люди братья. Любой человек, не понаслышке знакомый с криминальной средой, знает: южане – это проблемы.

Нет, тут речь не о нормальных людях с Кавказа. Те спокойно приезжают, селятся, вливаются в общество, не замыкаясь при этом в диаспоры, не растекаясь по кланам, каждый из которых в чем-то сродни сицилийским объединениям.

Дело на проверку оказалось крайне неприятным. И в течение первых пяти дней расследования Ревякин не узнал о погибшем ни крупинки нового, за исключением того, что ему рассказали судмедэксперты.

А потом произошло второе убийство.

Девушку нашли недалеко от курортного комплекса «Лазурный». Почерк и метод были такими же, как в прошлый раз. И девушка тоже оказалась «кавказской национальности». Как

и в прошлый раз, больше не удалось узнать ничего. Только и пришлось связать между собой первое и второе происшествия. И того парня в порту, и девчонку убивали одинаково.

Ревякин рискнул даже сказать, что это серия. Типичная серия, только пока еще не проявившаяся настолько, чтобы понять, в чем ее суть, где искать зацепку для дальнейшего поиска. То, что жертвы кавказцы, – этого маловато.

Маньяки – они ведь очень логичны. Они всегда имеют некую зацепку для своих убийств. Или этим негодьям достаточно того, что намеченная жертва родом из Грузии, Осетии или той же злополучной Чечни? Право же, такой вариант казался куда менее предпочтительным.

Но капитан, наученный, что жизнь редко идет на поводу у человека и раскладывается в нужный «пасьянс», все-таки настроился на худшее. В частности, на то, что серия убийств получит продолжение.

Что и произошло сегодня ночью.

Капитана подняли с постели в пять утра – ровно на полтора часа раньше, чем он привык просыпаться. Он выслушал короткий доклад с места происшествия и немедленно отправился туда, открыв в машине форточку, чтобы хоть как-то отогнать сон. Прохладный ветер августовского утра действительно оправдал надежды капитана – к месту убийства он прибыл уже вполне свежим.

На сей раз это была самая окраина Хостинского района, крохотная улочка, не отмеченная ни на одной туристской карте, известная, пожалуй, только здешним жителям. Улица почему-то носила имя Пожарского. Хотя, наверное, даже самый дотошный и эрудированный историк не смог бы сказать, какое отношение имеет московский князь к приморскому Сочи.

Улочка была аховая. Судя по застройке, она появилась в тридцатые годы прошлого века. Двухэтажные деревянные дома барачного типа, обшитые узкой доской, покрашенные в грязно-коричневый цвет, ощутимо просели посередине. Тротуаров тут не было – только шербатая донельзя проезжая часть, обрамленная пыльной грунтовой обочиной.

Милицейские машины и люди скопились как раз посередине этого заповедника трущоб. Красно-синие отблески плясали на окружающем, медленно тускнея по мере того, как восток краснел зарей.

Ревякин поставил свой «фольксваген» в десятке метров от оцепления, вышел и направился к толпе. Его не остановили – то ли знали, то ли поняли, что так уверенно и спокойно шагать может только уполномоченное лицо.

– Приветствую, Григорий Аркадьевич, – сказал Ревякин медэксперту.

– Здравствуй, Сережа! Ну, хоть у тебя хватило такта не начинать здесь бодяги с «добрым утром».

– Какое оно к чертям собачьим доброе! – отмахнулся Ревякин.

Григорий Аркадьевич помахал в воздухе руками в резиновых перчатках.

– Гадость самая настоящая, – сообщил он.

– Опять наш случай? – спросил следователь.

– Думаю, да. Снова девушка, снова кавказской наружности, насколько это можно определить по тому, что осталось от лица.

Ревякин посмотрел на тело, лежавшее неподалеку и накрытое серой простыней. Около тела топтались двое здоровенных милиционеров. Ревякину они знакомы не были, из чего Сергей сделал вывод: местные.

– Кто нашел? – спросил он.

Ему ответил оперативник из группы, прибывшей на место преступления.

– Бомжик местный. Вон он стоит! – опер махнул рукой в сторону очень неопрятного мужика, стоявшего у дежурного «козлика» и, судя по обреченному виду, уже мысленно при-
мерявшего на себя тюремный клифт.

– Пошли, – скомандовал Ревякин.

Они подошли к бомжу.

– Фамилия!

– Ярошев, – ответил бомж.

– Как ты ее нашел?

– Эту. покойницу-то?

– Да, именно покойницу.

Бомж остервенело почесал голову. Капитан Ревякин машинально отодвинулся подальше.

– Так это. Я домой шел. Вон тут живу, одна тетка мне флигелек сдает.

– Прямо так и сдает? – удивился Ревякин.

– Ну, не сдает. Просто она меня давно знает. Сказала – селись, живи. Ну, я и живу, а чтобы не в нахлебниках быть, так грядки ей прополою, двор приберу.

– И во сколько же ты возвращался?

– Да где-то в шесть. Я на ночной дискотеке был. Там, когда закрывается, много чего можно найти. Бутылки, деньги теряют. Ну и всякое такое.

Вмешался оперативник:

– Это точно – «всякое такое». У него в рюкзаке полсотни пивных бутылок, мобильник за триста баксов, полпачки «Кэптен блэк». Нормальный улов.

– Мобильник вернуть собирался. – торопливо заверил бомж.

– Свежо предание, – пробормотал Ревякин. – Ладно, с этим мы отдельно разберемся. Давай дальше про то, как труп нашел.

– Это, я иду, а тут около люка собаки околачиваются. Целой кодлой! И прямо лезут туда, лапами по нему скребут. Я подошел, думаю – чего они делают? Взял палку свою, разогнал. Потом подковырнул крышку, смотрю – скинуто вниз большое что-то, завернутое. И нога торчит из скрутка. Человечья. Я перепугался, стал стучаться в дом к деду Микашу, у него телефон есть. Позвонил, и ваши приехали.

Бомж рассказывал быстро, частя словами, глотая окончания. По всему было видно – не светит ему перспектива оказаться в тюрьме. Ревякин прикинул, что в другом случае дядька был бы просто идеальным козлом отпущения. Сваливаешь на него все три убийства – и точка. А если не захочет подписать показания сразу – есть немало весьма действенных способов убеждения. Чаще всего не оставляющих на том, к кому они применены, ни малейшего следа. Ревякин, как ни крути, был ментом. И ему приходилось не раз прибегать к различным «низким методикам». Только в одном следователь был верен себе: он никогда не применял их к человеку, в чьей виновности были серьезные сомнения. Потому что с перепугу на себя наговорить может каждый.

– А ты никого не видел?

– Да говорю же – я на ночной дискотеке был. Она называется «Матрица». На пляжу тут, недалеко. Можете спросить – меня там знают.

Следователь вопросительно посмотрел на оперативника. Тот пожал плечами:

– Есть тут дискотека «Матрица». Она сезонная – работает с мая по октябрь. Там большей частью туристы околачиваются, причем не из самых малоимущих. У бомжей тут подобные места поделены четко. И кого попало близко не подпустят. Значит, можно на самом деле подъехать на эту дискотеку и спросить, появлялся ли там вот этот хмырь.

От взгляда Ревякина не ускользнуло то, что при этих словах на лице бомжа отразилось нешуточное облегчение. И для себя следователь решил: нет, этот мужик не виноват. Конечно, надо его вывернуть наизнанку по части того, что он видел и слышал. Но и только. К слову, и окрестных жителей надо внимательно поспрашивать – что кто видал?

Ревякин возвратился к судмедэксперту.

– Григорий Аркадьевич, когда примерно ее убили?

– Пока что, без вскрытия, я не могу говорить уверенно. Но в общем – вчера. Причем не то чтобы недавно. Трупное оцепенение уже почти прошло, осталось ограничение подвижности в некоторых суставах. Так что давно уже.

– Ясно. Значит, скорее всего ее просто сюда привезли.

– Видимо, так, – согласился эксперт. И покосился на окрестные дома. – И вот что характерно: ведь никто ни черта не видал. Можно даже не опрашивать, разве что для порядка.

– Нет, это вы уже несколько преувеличиваете, – сказал Ревякин. – Так вообще можно просто взять и списать эту самую покойницу в архив с пометкой, что смерть произошла от естественных причин. Вот такое удивительное заболевание приключилось с несчастной – смертельное и непонятное. Или как вариант можно свалить все на самоубийство.

Эксперт смутился:

– Я не о том. Просто места такие, что особого рвения в разговорах с милицией не дождешься.

– Понимаю. Но вот, к примеру, этот домик подлежит натуральному потрошению, особенно те квартиры, которые выходят окнами на улицу. Наверное, я сам займусь этим.

Он подошел к телу, осторожно приподнял покров. Убитая лежала на спине, скалясь в небо перекошенным ртом. Ревякин присмотрелся и понял, что у нее откушена нижняя губа. Не то сама постаралась, в муках, не то убийца решил добавить в свой образ действия новый штришок. В остальном зрелище было ничуть не менее отвратительным. Общее впечатление: девчонке устроили нечто сродни визиту в застенки инквизиции. А может, и пострашнее.

Сергей покачал головой, натянул простыню. Почувствовал, как к горлу подкатывает тугой колючий желвак. Вот так всегда – ему было жалко убитых, если это были женщины. Мужчины не вызывали ничего, кроме нормальных служебных ощущений. А вот женщины.

Ревякин представил на месте этой девчонки свою мать. Его передернуло.

Следователь быстро огляделся – еще не хватало, чтобы кто-то видел, как его тут «плющит» на почве собственных расшатанных нервов. Идиотская неделя, если по совести! Да и не только неделя. Все время, в течение которого он тычется, как слепой котенок, в поисках маньяка.

Ревякин подошел к кинологу Саше, вернувшемуся с собакой откуда-то из-за оцепления:

– Ну, а ты что скажешь?

– Ничего утешительного, – пожал плечами невысокий плотненький кинолог. – Песик просто ничего не видит. Наверняка приехал на машине, отодвинул крышку, сбросил труп – и до свидания. Тварь!

– Правду говоришь! Моя бы воля, найди я этого выродка, он бы у меня не дожил до суда. Да что там суд! Он бы и до КПЗ не дотянул.

– Точно. Вообще вот такое зрелище не мешало бы увидеть хоть раз всем этим правозащитникам, помешанным на гуманизме.

– Да ну! Ты что! – отмахнулся капитан Ревякин – Как можно такое говорить? Это же всё – насквозь выдуманное. Знаешь, а ведь у нас, у работников уголовного розыска, заведомо расшатанная психика и искаженная система ценностей. И закомплексованы мы настолько, что нам никакой психоаналитик не поможет! Так что этот труп – просто выдумка. А если и не выдумка, то наше желание воздать за зверство по заслугам – лишь последствие того, что нас в детстве обижали хулиганы. О! Сашка, тебя хулиганы когда-нибудь обижали?

Кинолог пожал плечами:

– Бывало, конечно. Но я и сам их обижал нисколько не меньше.

При взгляде на плотную, монолитную фигуру Сашки сомнений в том, что он способен обидеть, не возникало.

– Ну, значит, это только я полностью бесперспективный. Я ведь не то чтобы сильно мог за себя постоять. Хотя при необходимости.

Они посмеялись еще немного над тем, что такое психика среднестатистического работника уголовного розыска. Правда, смех получался не слишком веселый.

Ревякин подошел к уныло курящему начальнику местной опергруппы.

– Скажи, а вот этот цирк, он давно тут происходит? – следователь указал на многочисленных зевак, выстроивших собственное оцепление помимо милицейского. Блеск жадных до развлечений глаз нисколько не потускнел по случаю рассвета.

– Да практически с того момента, как мы прибыли. А вон те трое – они с самого начала вместе с бомжем паслись.

Глянув в сторону, куда показала рука оперативника, Ревякин увидел неопрятную тетку в овчинной душегрейке, тощего мужика, сложившего руки на причинном месте, будто опасавшегося внезапного удара в пах, и жирного подростка неопределенного пола, зевающего с таким увлечением, что ему всерьез угрожал вывих нижней челюсти.

– Погоди-ка, я угадаю! Это та самая тетка, которая так щедро выделила этому бомжу жилье?

– Она самая. Копылова Агата Марковна.

– Нормальное имечко!

– Да все нормально, – сказал оперативник. – Она, можно сказать, потомственная интеллигенция: сама – бывшая учительница, мать – тоже что-то по этой части, отец вообще был доктором наук.

– Ну, это многое объясняет. Надо бы с ней переговорить.

Следователь направился к этой троице. Завидев приближающегося следователя, тетка, думая, что делает это незаметно, толкнула своего мужа локтем в бок. Тот немедленно принял такое положение в пространстве, которое очень напоминало стойку «смирно».

Ревякин представился.

– Копылова Агата Марковна, – сказала тетка.

– Пушкарев Леонид Владленович, – назвалса мужик.

Подросток ничего не произнес. И вообще, он посмотрел сквозь Ревякина, будто сквозь стекляшку.

– А это Копылов Миша. Мой сын.

На слова матери подросток отреагировал пренебрежительной гримасой. Следователь подумал, что парнишка наверняка не сахар. Это нормально для детей, воспитанных в семьях педагогов. Черт его знает, почему, но те, кто прекрасно учат и воспитывают чужих отпрысков, не очень часто способны то же самое сделать со своими.

– Скажите, Агата Марковна, вы на самом деле сдаете жилье Ярошеву?

Тетка энергично закивала:

– Сдаю. Только не за деньги. У него их вечно нету, а работать по дому надо. Мой муж один не справляется.

– Ясно. И что вы можете сказать нам про вашего квартиранта?

– А что говорить? Хороший мужик. Только не следит за собой. Его жена бросила, так он запил по-черному. Прямо страшно. И опустился, и ничего ему не надо. Дома нету. А человек он хороший. Чего ему скитаться?

– Понятно. Дело хорошее.

– Вы только не думайте, что это он сделал! – твердо сказал тощий Леонид Владленович. – Колька Ярошев никогда и мухи не обидит.

– А вы, может, видели или слышали что-нибудь этой ночью? К примеру, огни фар, шум мотора, речь кавказскую?

– Да мы живем вон там, – Копылова показала куда-то в глубину дворов. – У нас даже окна не на эту сторону выходят. Ничего не слышали. Спали мы.

Подросток шмыгнул носом и пробубнил:

– Да тут ченчбосов всяких живет полрайона. Кто угодно завалить мог. Мы с пацанами тут нормально пройти не можем, чтоб эти козлы не прикопались!

Агата Марковна охнула. Видимо, сказанное сыном шло вразрез с ее педагогическими принципами.

Вообще, если этой тетке уже больше пятидесяти лет, то пацан получается поздним ребенком. Дополнительные проблемы на голову родителей.

– Ты думаешь, кто-то из местных это мог сделать? – нахмурился следователь.

– Из местных – не знаю. Они вроде не такие бешеные. Но тут же приезжих всяких столько – жопой ешь!

Копылова опять издала задущенный стон.

Ревякин еще немного порасспрашивал Мишу о том, что представляет собой кавказское население этого района. Подросток отвечал охотно и многословно. Следователю пришлось приложить немало усилий к тому, чтобы из этого потока информации выловить ту, которая на самом деле представляла интерес.

В общем, картина все-таки обрисовалась.

Итак, уроженцев Кавказа тут на самом деле хватало. Район был не престижным, соответственно, нетрудно было обзавестись жильем. Получалось, что любой, кто приезжал в Сочи из Грузии, Чечни или Осетии, первым делом обращал внимание именно на этот квартал.

Селились здесь только те, кому не хватало денег на обустройство в более благополучном месте. И отнюдь не всегда это были люди нормальные. Завелось и с десятков откровенных отмороzków. Они время от времени наводили немало шороху.

Ревякин взял это себе на заметку. Отмороzków, имеют они отношение к происшедшему или нет, все равно надо прощупать. Может, что всплывет.

В основном здесь жили трудяги. Кто-то ищачил на такого же кавказца, но богатого, продавал фрукты на базаре, вкалывал на строительстве коттеджей по восемнадцать часов в сутки.

Понизив голос, Миша рассказал и про то, что здесь есть мастерская по изготовлению всяческой портняжной подделки. Конечно, это не Малая Арнаутская в Одессе, но примерно каждые десятые поддельные джинсы на рынках Сочи происходят именно отсюда.

Снова Ревякин решил проверить. Трудно сказать насчет убитого парня, но вот почему бы девушкам не иметь отношения к этому подпольному цеху? Хотя, конечно, глупо это – убивать и прятать тело здесь, если можно увезти его подальше и не портить отношения с милицией.

А то, что местные милиционеры прекрасно знают об этой подпольной мастерской, – козе ясно! Такое не спрячешь, если не договориться с тем, кто ищет, специально. Итак, возьмем на заметку: участковый тут наверняка купленный. А может, и не только он.

Ревякин уточнил, где именно искать и отмороzków, и мастерскую. Миша был готов только что не проводить до дверей, но вмешалась Агата Марковна. Она вполне мудро решила, что на пользу ее сыну такое пойти никак не могло. Так что рвение подростка ограничилось лишь подробным рассказом, из которого Ревякин уяснил, что без вопросов к местной милиции ему не обойтись.

Сочтя, что первоначальную информацию от семейства Агаты Копыловой он получил, следователь отпустил всех домой. Туда же он отправил и бомжа, предупредив, что, если тот попытается исчезнуть, его раскопают хоть в Америке и тогда будет плохо, Ревякин вернулся к оперативной группе.

– Ну что, надо приступать к опросу жильцов ближних домов. Как у нас с людьми?

С людьми было не то чтобы слишком хорошо, но и эти шестеро имеющих в распоряжении очень могут пригодиться.

– Ну, приступаем, – сказал Ревякин. – Теперь главное – подавить чувство вины за то, что мы устроим мирным и ничего не подозревающим гражданам неурочную побудку.

Обход квартир – занятие нудное и малоинтересное с любой точки зрения. Может, именно потому его нередко обходят вниманием кинематографисты и писатели. А ведь именно самая рутинная и безынтересная работа приносит наибольшие результаты. Фильмы о том же Джеймсе Бонде – это красиво и эффектно, но сплошь и рядом наиболее важную информацию для разведки приносят малозаметные клерки, имеющие доступ к документам особой ценности.

За два часа Ревякин и его люди успели поговорить со всеми, кто мог хоть что-то рассказать относительно зверского убийства, совершенного этой ночью.

Картина вырисовалась, мягко говоря, не самая радужная. Мало того что никто ничего не прояснил, так в придачу буквально от всех жителей района веяло каким-то иррациональным страхом.

Именно за этот страх и решил зацепиться Ревякин. Если он есть – значит, есть и причина, его породившая.

На месте происшествия присутствовал местный участковый – Игорь Калитин. Это был небольшого роста мужичок, на котором милицейская фуражка смотрелась как-то неубедительно.

– Что тут вообще у вас происходит? – спросил у него Ревякин.

– Да хрен его знает, – пожал плечами участковый. – В последнее время тут кавказцы сильно притихли. Они и раньше вели себя более-менее пристойно – еще не обжились толком, наглости не почувствовали, но теперь – тише воды, ниже травы. Самому ничего не понятно.

– А расспрашивать пробовал?

– Так, товарищ капитан, вы что, не знаете эту братию? Из них вообще ни хрена не вытянуть. Себе на уме. диаспора, мать ее!

– Плохо это, товарищ участковый! Тебе полагается знать, чем дышит народ на вверенной тебе территории.

– Сам знаю. Но я вот что хочу сказать, товарищ капитан: они точно чего-то боятся. Или кого-то. Если бы это был просто какой-то полоумный, решивший, что может резать кавказцев, ему бы скоренько доказали, что он ошибается. У них, у этих ребят, руки длинные. А раз тут такое напряжение, то получается – не простой это маньяк.

Ревякин призадумался. Наверное, участковый не ошибался. Вообще, любая диаспора жителей Кавказа, где бы она ни находилась, отличается агрессивностью. Это для них нормальное состояние. И если уж их заставили бояться.

– А может, кто-то маскируется под маньяка? – предположил участковый.

– Например? – сдвинул брови Ревякин.

– Да какие-нибудь отморозки вроде фашистов. Что, мало дебилов на Руси?

– Как-то не вяжется. Кавказцев у нас побаиваются. Скинхедам, к примеру, проще отдубасить негра из университета. А вот чтобы грузина или чеченца – вряд ли. Потому что знают, твари: сегодня они ему ребра поломали, а завтра их по одному перережут. И никакая идеология не поможет.

Участковый покачал головой:

– Да я не про скинов. Есть же организации и посерьезнее. Почему бы им не решить, что надо устроить в нашем родном курортном городе зачистку?

– Ничего себе методы! Что-то слишком. – усомнился капитан Ревякин.

– Не слишком. Они у нас в последнее время просто сбрендили. Верите, нет, не так давно поймали какого-то панка местного и привязали на рельсах. Так бедолагу и порезало на куски. Если уж они с каким-то неформалом так обошлись, то что про ченчбосов говорить?

Ревякин покосился на участкового, употребившего то же слово, что и подросток Миша.

– Хорошо. Допустим, – согласился Ревякин. – Подскажешь, кто тут в районе по неофашизму заморочен. Мы его своими силами пощупаем.

– Подскажу.

– И еще – надо знать, кто здесь главный у кавказцев. Хочу я с ними сам переговорить, раз пошло такое кино с охотой на людей. Может, получится вывести хоть что-то.

– Тоже расскажу. Их тут несколько. Чеченец, осетин, грузин. По национальному принципу делятся.

– И как они все тут уживаются? Без войны?

– Пока мирятся друг с другом. Вообще тут больше беженцы всякие. Такие, которым винегрет, творящийся на Кавказе, не нужен. Они от него сбежали не для того, чтоб на новом месте то же самое затевать. Хотя, по чести говоря, хватает и противоположного. С ними пытаемся бороться, насколько возможно.

– Хорошо, – устало сказал Ревякин. – Давай делись адресами.

2.

Он пришел на доклад к начальнику ГУВД не в самом лучшем настроении. Третье убийство, налицо очень опасная серия, а результатов – ноль без намека на палочку.

Начальник, относившийся к Ревякину очень хорошо, спросил:

– Что, совсем раскис?

– Да, не без того, – ответил следователь. – Но это скоро пройдет, и я снова буду готов рыть рогом землю.

– Откуда у тебя рогам взяться? Ты же не женат! – рассмеялся генерал-лейтенант Макаренко. – Присаживайся поближе. Рассказывай.

Ревякин последовательно, неторопливо и обстоятельно поведал обо всем, что видел и слышал сегодня утром. Показал фотоснимки, записи показаний свидетелей...

Макаренко открыл сейф, достал плоскую бутылочку с армянским коньяком. Налил себе и Ревякину, сел в свое необъятное кресло и сказал:

– Скверное дело. И знаешь, Сережа, я все понимаю – и то, что все население кавказское боится, и что жители темнят... но пойми: надо с этим делом разобраться как можно скорее. Просто потому, что город у нас, скажем так, не особенно располагает к затяжным расследованиям. Здесь очень многое зависит от отдыхающих. А они, изволите знать, не поедут в город, где орудует маньяк-убийца. А сколько еще мы сможем скрывать от прессы, что он таки орудует?

– Да я все прекрасно понимаю! – воскликнул Ревякин. – Но с этими черномазыми никакого общего языка не найти! Я битый час потратил на одного их бугра! Я голову готов про-закладывать: он что-то знает! А как это знание из него вытянуть, если он боится до дрожи в коленях? Это не для красного словца – у него натурально коленки дрожали! Как быть?

Генерал-лейтенант задумчиво отхлебнул из бокала.

– Помощника тебе надо.

– С людьми у меня все в полном порядке, – сказал Ревякин. – Двенадцать человек в общей сложности задействовано!

– Я не о том, – покачал головой Макаренко. – Тебе бы такого помощника, с которым все эти напуганные и несчастные стали разговаривать.

Ревякин рассмеялся. Генерал-лейтенант посмотрел на него с легким недоумением. Следователь пояснил:

– Как мне кажется, такого помощника они должны бояться больше, чем маньяка. Представляю, каким чудовищем он должен быть!

– Дело не только в страхе, – возразил генерал. – Тебе нужен человек, который хорошо знал бы эту среду, ее обитателей, мог бы с ними поговорить в некотором смысле на их языке. Они – люди другого склада ума, они уважают силу. Причем даже не столько ту, которая проявляется внешне, сколько внутреннюю. Перед сильным человеком они откроются.

Ревякин покачал головой с озадаченным видом:

– Вы мне просто ребус какой-то загадываете, товарищ генерал-лейтенант. Я кого-то не знаю, кого вы мне прочите в помощники?

Макаренко ответил:

– Ты много кого не знаешь, Сережа.

– Так о ком речь-то? – с нетерпением в голосе осведомился Ревякин.

– Его фамилия Терпухин. Ну-ка, навскидку, ничего не вспоминаешь?

Ревякин почесал подбородок, задумчиво хмыкнул:

– Что-то всплывает такое, с ним связанное, что-то очень шумное.

– Ну, в общем, ты прав – действительно шумное. Хорошо, не буду с тобой играть в загадки. Юрий Терпухин, в некоторых кругах известный как Атаман. В прошлом году он в одиночку расправился с группой чеченских отморожков. Там было шестеро, сумевших выбраться из Беслана и по пути решивших устроить казнь отставному офицеру федеральных войск. Этот офицер успел позвать Атамана на помощь, но тот опоздал. Так Терпухин догнал чеченцев и устроил такое... Его не стали сажать, потому что пользу он принес нешуточную. Но шума было – не приведи господь!

– И какое отношение Терпухин имеет к Сочи?

– Он сразу после того, как с него слезли федералы, поехал отдохнуть в наши края. И снова вляпался в историю. Долго рассказывать, но в общем и целом он снова «отличился». Видимо, не пошла человеку впрок та история с приятелем. С тех пор кавказцы Сочи, я бы так сказал, неровно дышат к Терпухину.

– Но если он снова что-то натворил, то почему его не посадили?

– На сей раз вообще ничего не доказали. Формально все знали, что Шалмана Руфиева порешил именно он. Реально – никаких улик. Отпустили через три дня после задержания. И попросили свалить в родные палестины и не появляться в Сочи больше никогда.

– Ясно. Значит, вы мне в помощники прочите ненормального отморожка? Это, по правде говоря, меня не особенно радует.

– Никакой он не отморожок, Сережа. Я с ним разговаривал, я его неплохо понял. Нет, он просто человек, который убедил себя: со зверями надо обращаться по-зверски. Когда-нибудь у него это пройдет.

– Или не пройдет, и он останется таким же отмороженным.

– Нет, у этого наверняка пройдет. Он дядька рассудительный, хладнокровный... Нет, его злости надолго не хватит.

– Короче, вы мне предлагаете его найти?

– Предлагаю. Подъехать к нему в станицу, поговорить, передать, что ему дается нечто вроде индульгенции на пребывание в нашем городе. Понимаешь?

– Ну, не знаю, – с сомнением в голосе произнес Ревякин.

– Ты подумай, я же не тороплю.

Следователь кивнул. Хотя большого энтузиазма он не испытывал. Так получилось, что капитан Ревякин не отличался особой склонностью к жестким методам ведения расследования. Только пару раз за свою карьеру он врезал допрашиваемому. Второй раз – случай особый. Перед следователем сидела такая мразь, что его терпение все-таки лопнуло. Ревякин встал, неторопливо обошел стол и коротким жестким ударом в солнечное сплетение вышиб из гаде-ныша дух, заодно сметя с его тонких губ глумливую усмешечку.

– Я мог бы посмотреть на его дело? Ну, я имею в виду этого... Руфиева.

– Можешь. Зайди в архив, посмотри. Только, я еще раз тебя прошу, не надо делать ско-ропалительных выводов. Это не такой страшный человек, каким может показаться.

– Я посмотрю, – кивнул Ревякин.

Генерал отпустил Сергея, порекомендовав долго не затягивать с размышлениями – не дай бог, случится еще жертва.

Ревякин отправился в архив немедленно после разговора с генералом. Расписавшись в толстой амбарной книге, он прошел в царство пыльных старомодных стеллажей, ломящихся под весом картонных папок различной толщины. Пахло старой бумагой, пылью, немного сыростью.

Ревякин с трудом отыскал папку с делом Руфиева. Она была совсем тонкой. На лицевой стороне обложки стояла виза о прекращении дела.

Он забрал папку, прошел к кафедре, за которой скучала работница архива – пожилая женщина с лейтенантскими погонами. Ревякин положил перед ней взятое дело.

– Запишите. Нужно взять для ознакомления.

Архивистка безразлично скользнула взглядом по обложке папки, снова взяла амбарную книгу и написала около фамилии Ревякина номер дела.

– Не задерживайте, – тоном лишенным всяческого намека на эмоции пробубнила она.

Следователь молча вышел.

В кабинете он поставил кофе и стал просматривать материалы дела.

По первому впечатлению следователь не мог согласиться с тем, что этого Терпухина не стоит сажать. Фотоснимки убитого Рафиева заставили его содрогнуться. Такое чувство, что этого бедолагу прокрутили на большой скорости в бетономешалке.

Хотя, если говорить по правде, то какой он к чертям собачьим бедолага?! Через него шла торговля наркотой в школах, на дискотеках, в университете. Несколько случаев рэкета, одно недоказанное убийство. Короче, стандартный джентльменский набор. Пожалуй, в городе стало спокойнее без этого типа.

Но не таким же способом надо вершить закон! Если устраивать из каждого разбирательства бойню... то, может, кто-то и призадумается. Ревякин поразился собственной крамольной мыслишке, отогнал ее, стал изучать дальше. Нет, определенно ему не нравился Терпухин. Вот так, по определению. А с виду – нормальный человек, очень располагающая внешность. Да и Атаман – это не просто «погоняло». Он на самом деле атаман. Казак, черт бы его побрал.

Ревякин облокотился на раскрытую папку, задумался.

Получается какая-то ерунда. Он должен прибегнуть к помощи преступника, чтобы поймать другого. Кто хуже – неизвестно. Маньяк уродовал свои жертвы очень старательно, но этот ненормальный казак его почти превзошел. Рафиев небось успел не раз попросить, чтобы его поскорей добили...

Собачья смерть!

Но этот Атаман прекрасно знает тутошних кавказцев, способен их разговорить. А без него, если честно, дело может затянуться еще не на одну жертву. И что тогда делать? Еще немного – и расследование возьмет на контроль мэрия. Тогда, если не выдать срочного успеха, могут и головы полететь.

Может, есть смысл попробовать?

Так и не придя ни к какому решению, Ревякин закрыл папку с делом Рафиева. Посмотрел на часы. Было почти шесть вечера. Пора домой.

А дома – никого. Пусто и тихо. Он так и не привык к тому, что его некому встретить с работы, что некому пожаловаться на чертовы обстоятельства, выкручивающие наизнанку, что некому положить голову на колени и притихнуть, впитывая целебное молчание...

Нет, все равно пора. От такого сидения ничего не изменится. Убийство само не раскроется.

Для очистки совести он позвонил в морг, узнал, что нового. Эксперт сообщил только то, что было уже известно и так. Ревякин со вздохом повесил трубку.

Бросив папку в сейф, он вышел из кабинета, запер дверь, спустился вниз и остановился на крыльце управления. Солнце светило вовсю, аж глазам было больно. Ревякин надел темные очки и пошел к своей машине.

Из окна второго этажа на него пристально смотрел Макаренко. На лице пожилого генерала было странное выражение. Как будто бы ему было жаль капитана Ревякина.

На город опускался вечер – еще один прекрасный вечер позднего августа. Бархатный сезон, красота и благолепие.

И какой дикостью выглядят эти убийства...

Глава 2. Проблемы психики

1.

Она бежала по узкому темному коридору, прямому, словно стрела. Впереди не было ничего, кроме темноты. Под ногами пружинило и тряслось. Словно ноги ступали по тугому желе. Смотреть вниз не хотелось, потому что верилось: лучше не станет. И вообще – лучше не станет никогда.

Ника споткнулась, с трудом вернула равновесие. И услышала позади шаги – гулкие, размеренные, неторопливые. Их звук почему-то вызывал в ней такой ужас, что из горла рвался стон – на крик не было никаких сил.

Она побежала быстрее, хотя ноги не слушались, заплетались, казалось, что они были без костей. Ника закусил губу, захрипела, стала выкладываться в каждый шаг, как в рывок на стометровку. Это было невыносимо трудно, но, кажется, бежать быстрее получилось.

Несмотря на все ее усилия, шаги приближались. Ника даже не удивлялась тому, что они звучат так звонко, словно для преследователя пол коридора был вовсе не железобразным, а вполне твердым и плотным. Ей было слишком страшно, чтобы пытаться что-то анализировать.

Преследователь приближался. И в металлический ритм его шагов вкрадывалось еще что-то. Ника мало-помалу узнавала в этой посторонней примеси человеческий голос. Он казался ей знакомым, но даже под угрозой смертной казни она бы не сказала почему.

Голос говорил что-то, его интонации не были угрожающими, слов не удавалось разобрать. Ника не хотела понимать, что ей говорят. Почему-то казалось, что от этого будет только хуже.

Ноги уже не чувствовались, а тьма стала настолько глубокой и непроглядной, что теперь только по ритмичному вздрагиванию тела можно было понять: она продолжает бежать. Голос сзади нарастал, заполнял собой все окружающее, начинали различаться некоторые слоги – каркающие, неприятные, злые. Она зажала уши ладонями, но даже сквозь них продолжала слышать все.

И когда ее схватили за плечо, она закричала.

И проснулась.

Ее держал за плечо муж. На его лице было выражение испуга и волнения.

– Ничка, что с тобой? – спросил он, когда жена перестала кричать. – Опять кошмары?

Она энергично закивала головой.

– Все, все, успокойся... это только сон, – прошептал Виктор, прижимая трясущуюся женщину к себе.

– Опять какой-то голос... опять этот коридор. Боже, как я устала! Витя, отдай меня ветеринарам, пусть усыпят, – улыбнулась она уголками губ.

– Ну, раз снова шутишь, значит, жива! – Виктор погладил ее по голове. – А ветеринарам я тебя отдавать не намерен. Завтра поедем к доктору Лаврентьеву, попросим его повнимательнее приглядеться к твоим неприятностям.

Ника прижалась к мужу. Он укачивал ее в своих объятиях до тех пор, пока она не уснула снова. К счастью, этой ночью кошмаров больше не было.

2.

Это началось месяц назад.

Ника и Виктор к тому времени жили вместе уже пять лет. Жили, что называется, душа в душу. За все эти годы у них не было ни одного серьезного разлада. Ну, а мелкие свары – про них не зря говорят: «Милые бранятся – только тешатся».

Но месяц назад началось что-то странное и нехорошее. Вначале Ника стала замечать за собой, что боится остаться дома одна. Ей казалось, что в квартире что-то не так, что это вообще чужое жилье. Как женщина достаточно волевая и не склонная к депрессивным состояниям, она подивилась и стала бороться с этим по своему методу – просто не обращать внимания, жить в нормальном ритме.

Некоторое время это работало безотказно. Но потом состояние стало ухудшаться. К беспокойству стали добавляться сны. Они случались чуть ли не каждую ночь, всякий раз были какими-то невразумительными, сумбурными и тяжелыми. И всякий раз Ника просыпалась в холодном поту и с криком.

На это, разумеется, обратил внимание Виктор. Он мягко, тактично расспросил, что происходит, и предложил сходить к психологу.

Для Ники, как для большинства людей, большая часть жизни которых пришлась на конец советского времени и постсоветский разлад, психолог и психиатр были синонимами. Ассоциации были соответствующие: больничные палаты с решетками, дюжие санитары, транквилизаторы. В худшем случае – смиренная рубашка.

Так что Ника далеко не сразу согласилась с предложением мужа. Понадобилось еще несколько ночей с кошмарами, чтобы она наконец поддалась на его уговоры и отправилась с ним к доктору Лаврентьеву. Этот психолог работал в ведомственной санатории ФСБ, и попасть к нему на прием, если ты не работаешь в этой структуре, можно было исключительно по знакомству. А Виктор был знаком с Лаврентьевым еще со школьных времен: жили они раньше в одном подъезде. Потом доктор переехал на другой конец города, но приятельство не прервалось.

Петр Иванович – не старый грузноватый мужчина – принял Нику вечером, в конце рабочего дня. Кабинет его был оформлен уютно и ничем не напоминал медицинский.

Он выслушал все жалобы, стал неторопливо и корректно расспрашивать женщину о ее образе жизни. Интересовался, не переутомляется ли она, не случается ли стрессов на работе.

Ника честно ответила, что с ее работой крайне сложно получить стресс. Действительно, ее должность не располагала к неприятностям. Она работала менеджером по контактам с VIP-клиентами на одном из предприятий, принадлежащих Виктору. Должность была сродни «свадебному генералу», так как Ника участвовала в работе только тогда, когда на фирму приходил тот самый VIP.

Но последнее, несмотря ни на что, случалось редко. То есть у руководства фирмы было очень узкое понятие о том, кто такой «особо важный клиент». И Ника участвовала в работе фирмы пару раз в неделю.

Так она и сказала психологу. Тот понимающе хмыкнул и перенес разговор в русло жизни семейной. Но тут доктору и подавно нечем было поживиться. Нормальная семья, нормальные отношения. Благолепие и гладь.

Лаврентьев, улынувшись, сказал, что тогда он решительно отказывается понимать, что порождает кошмары. Хотя, конечно, человек – субстанция непростая и логике не всегда следует. Вполне может статься, что разуму захотелось такого простого развлечения, как отрицательные эмоции. Но снаружи их добыть не получается, вот и приходится несчастному извращиваться, выдумывать себе неприятности внутренние.

Он предложил Нике обратиться к психиатру из того же санатория. Женщина отказалась. Но доктор Лаврентьев не зря работал психологом в санатории ФСБ. Дело свое он знал туго, поэтому сумел добиться согласия Ники на поверхностное обследование.

Психиатр, круглый лысый мужчина, обаял Нику с первых минут общения, и она легко согласилась протестироваться.

И опять ничего. Озадаченный доктор пробовал подступаться к ней с разных сторон, разными методами. Все напрасно – мозг женщины отказывался признаваться, в чем причина неприятностей.

Психиатр предложил сделать недельный перерыв. Ну а дальше – взяться за лечение более серьезно. Если понадобится. А если не понадобится, тем лучше. Будет в этом мире еще один человек, которому не требуется медицинская помощь. Не в том ли радость каждого нормального доктора?

3.

Первая ночь после визита к врачу прошла спокойно. Ника спала не просто без кошмаров, а вовсе без сновидений. Провалилась в мягкое уютное забытие и вынырнула из него на запиликавший будильник. Виктор, судя по всему, уже уехал на работу – он всегда просыпался раньше. Ника удивилась – это же как она устала, что не заметила ухода мужа! Обычно Ника просыпалась сразу, как только он начинал шевелиться.

Ника приняла душ, позавтракала, навела традиционную утреннюю «боевую раскраску» и спустилась в гараж, где стоял ее серебристо-фиолетового цвета «рено» – мужнин подарок. Она села за руль и отправилась на работу.

Едва она вошла, как к ней подбежала секретарша Лерочка:

– Вероника Яковлевна, вас директор зовет!

Ника сразу поняла: у нее сегодня будет работа. Оказывается, фирма попала в поле зрения и интересов тех людей, которые отвечали за поддержание в надлежащем состоянии дачной усадьбы, ни много ни мало, самого Путина. Сейчас там предстояла какая-то крупная пертурбация. А фирма, где работала Ника, занималась оформлением интерьеров.

Разумеется, по всем параметрам предстоящий клиент попадал в категорию VIP. И заниматься им должна была Ника.

Ника понимающе кивала на пространные объяснения директора, прикидывая, как ей поступить с этим важным клиентом.

– Так кто там предполагается? – спросила она.

– В каком смысле? – удивился директор.

– Ну, я имею в виду – мужчина или женщина?

– Ах, ты про это... Мужчина. И судя по голосу – достаточно молодой, чтобы ты могла на него повлиять.

– Ага, блесну харизмой! – рассмеялась Ника.

Директор поддержал ее осторожным смешком с примесью иронии. Дескать, давай блистай, раз уж дал тебе Бог помянутую харизму на надлежащем уровне!

«Государевы люди» ожидались через полчаса. Ника осмотрелась в кабинете на предмет чего-нибудь неподходящего и компрометирующего. К примеру, конфетного фантика или позабытого где-нибудь в укромном месте чайного пакетика. Есть за ней грешок – по случаю не особой востребованности своей позволять себе в рабочем помещении мелкие неряшества.

Кабинет удивил отсутствием какого бы то ни было «компромата». Наверное, здесь уже побывала уборщица.

Остальное было за Никой. Она прикинула, что именно нужно сделать, чтобы ее кабинет произвел на будущего клиента благоприятное впечатление.

Включила компьютер, вывела на монитор каталог первой попавшейся дизайнерской конторы, разложила на столе несколько глянцевого журналов. Поглядывая в зеркало, прикинула, какое выражение следует напустить на лицо.

За десять минут до прихода посланца с дачи Путина позвонил муж. Сделал вид, что хочет просто перекинуться парой словечек. Ника уловила в голосе Виктора некоторую фальшь. Ясно: беспокоится. И одновременно стесняется в том признаться, не хочет показаться чрезмерно навязчивым.

Но все равно Нике было очень приятно.

Ровно в назначенное время в дверь кабинета вежливо постучали. Вошел клиент.

Это был мужчина лет примерно тридцати двух. Рост выше среднего, телосложение спортивное, но никак не массивное. Скорее оно напоминало танцора, нежели борца или бойца. Волосы черные с синеватым отливом, зачесанные назад. Аккуратная щетина на лице выглядела естественно и даже эстетично, что, разумеется, должно было означать тщательную и продуманную работу стилиста.

Лицо спокойное, красивое, явно с примесью кавказской крови, но не ярко выраженной. Наверное, этот тип имеет успех у женщин!

Едва рассмотрев визитера поближе, Ника стала ощущать легкое беспокойство. Хотя не понимала, почему это происходит. Более того, она отчетливо заметила за собой желание ни в коем случае не смотреть ему в глаза.

– Здравствуйте, – улыбнулся гость. – Меня зовут Гарри. Гарри Артузов.

– Добрый день, – она сумела произнести первую фразу профессионально вежливым тоном.

Сочетание его имени и фамилии было весьма необычным. В другое время Ника наверняка озадачилась бы тем, что же за родословная у этого типа. Но сейчас она отчаянно боролась с беспокойством, твердо вознамерившись перерасти в полноценную панику.

Артузов, видимо, заметил на ее лице признаки этого внутреннего конфликта и, разумеется, неправильно истолковал их. Потому что сказал:

– Это у меня мать армянка, а отец – русский. Ничего себе имечко получилось! А помешать... нет, негоже человеку отказываться от того, что наречено ему свыше.

– Вы полагаете, что имя – это свыше? – спросила Ника, которой надо было сказать хоть что-нибудь.

Артузов, однако, счел вопрос достаточно серьезным и важным, чтобы ответить на него без малейшей тени иронии:

– Разумеется! Имя – это такая же необходимая человеку вещь, как глаз или рука! Поверьте, я не шучу.

– Ну что же. Поверим, – согласилась Ника, почувствовав, что приходит в себя.

Артузов уселся за стол напротив нее. Положил около себя дорогую кожаную папку, посмотрел Нике в глаза и весело спросил:

– А чего вы так беспокоитесь? Наверное, вам тут напели: придет такая персона, что от ее важности штукатурка на стенах сворачивается. Так ведь?

Кажется, он отличался еще и некоторой проницательностью. Ника улыбнулась:

– Примерно так. Конечно, про подхалимство речи не шло, однако попросили отнестись к вам соответствующим образом.

– Ясно. Вот и относитесь. Как к другим – так и ко мне. Это, как мне кажется, наиболее соответствующий образ.

Ника кивнула. В другое время этот человек вызвал бы у нее симпатию. Но только не сегодня. Каждый прямой взгляд, брошенный на него, повергал женщину в состояние легкой паники. Что за ерунда! Нике и в голову не приходило, что дело тут отнюдь не в ней, а как раз в этом высокопоставленном клиенте.

Артузов перешел к делу:

– Итак, как вам уже сказали, я представляю здесь группу обслуживания дачи «Бочаров ручей». Собственно, я ее возглавляю. И сейчас у нас там предстоят некоторые события, требу-

ющие основательного вмешательства в состояние дачи. Коротко говоря, мы намерены делать ремонт. Не капитальный, а косметический, но требуется приложить много усилий, чтобы все было на самом высшем уровне.

– Чем мы можем вам помочь?

– Ваша фирма имеет очень хорошие рекомендации. С вами сотрудничали и остались довольны многие понимающие люди в этом городе. Мы навели справки, и вам отдано наше предпочтение.

– Очень приятно. А что именно вам требуется?

Гарри Артузов полез в папку, вытащил оттуда тонкий файл с распечатанными листами белой бумаги и конверт. Судя по всему, в нем лежали какие-то фотоснимки.

– Собственно, вот здесь – планы помещений, в которых намечается ремонт, и несколько фотоснимков, чтоб вы могли иметь представление, о чем идет речь. Пока можете ознакомиться, высказать соображения.

– Ну, судить о помещении по фотографиям...

– Ничего, вы посмотрите, прикиньте, что и как. А потом организуем вам и выезд на местность.

Ника взяла пакет. Поймала себя на том, что отчаянно пытается не дотронуться при этом до самого Артузова. При этом она испытывала не отвращение, а страх, причем достаточно сильный.

Ника отбросила от себя дурацкие мысли и стала изучать содержимое папки.

Да уж, работенка предстояла немалая. Черт его знает, кто хозяйничал на президентской даче раньше, но руки бы ему следовало обломать по самые корни. Ощущение такое, что о дизайне человек хорошо если слышал. Он превратил убранство дачи в нечто тяжелое, давящее роскошью, превратил просторные помещения, где, по идее, должно быть вольготно, в копилки для неуклюжих мебельных гарнитуров.

Ника, качая головой, рассматривала фотографии.

Артузов спросил:

– Вам все это тоже не нравится?

– Абсолютно. Что это вообще такое? Кого вы нанимали на работу?

– Я на тот момент не нанимал никого. Я вообще работаю в «Бочаровом ручье» третий месяц. И только сейчас удалось убедить руководство в необходимости приведения этого места в цивилизованный вид. А то мне все это, – он кивнул на снимки, – напоминает оформление дворца негритянского царька где-нибудь в Экваториальной Африке. Тоже все на показ, чтоб соседи могли завидовать. Но так же нельзя!

– Нельзя. Ну, так что бы вы хотели? Есть пожелания по поводу оформления?

– Кое-что есть, но только в самых общих чертах. Я еще буду разговаривать и с руководством, и с самим Президентом. Но, прежде чем заводить эти разговоры, надо иметь хоть что-то в качестве предложения.

Он сделал паузу, выбрал из фотографий несколько, изображавших интерьер чего-то вроде конференц-зала.

– Это комната для официальных встреч. На даче Президент не только отдыхает, но и работает. Тут стоит мебель застойных времен. Причем, если честно, не самая лучшая. Стулья из красного дерева, сиденья натуральной кожи – а сделано все такими корявыми ручонками, что прямо тошно. Стол – это вообще недоразумение. Вот вам и надо будет поработать, чтобы этот зал приобрел нормальный современный вид. Но без особой футуристичности! Пусть все будет примерно в прежнем ключе, но как-то одушевленное, чтоб настраивало на рабочий лад, чтобы не давило своей стариной. Гадость какая!

– Да, там есть что поменять. Причем стилистика зала не пострадает вовсе.

– Ну а насчет остального, думаю, вы тоже все прекрасно понимаете. Жилое помещение должно быть уютным, чтоб там хотелось жить, а не чувствовать себя набобом. Президент попросил не трогать только его личный кабинет. Но это понятно – помещение полностью обставлено по его указаниям и пожеланиям.

– А каковы сроки?

– Достаточно сжатые. Если вы беретесь, то буквально в течение трех дней будет получено разрешение на ваш допуск внутрь дачи.

Ника подумала, что этот VIP-клиент из числа не самых трудных. Это одновременно хорошо и плохо. Хорошо – потому что сейчас он сговорчив и не устраивает истерик. Плохо – потому что именно вот такие, покладистые и открытые, зачастую потом оказываются законченными сволочами. И сдавать им работу – пытка.

– Мы возьмемся, – улыбнулась Ника своей самой лучезарной улыбкой.

Вот еще что было интересно. Артузов никак не реагировал на то, что ему улыбается очень красивая женщина. Обычно мужчины-клиенты к такому отнюдь не равнодушны. А этот, при всей своей вежливости, обходительности и предупредительности, как будто за свинцовой плитой.

Одно из двух – либо он замороченный профессионал, не видящий дальше своего поручения, либо «голубой». Сейчас в помощниках у высшей касты этого добра до чертиков. Ну и хорошо, если честно. Тут и так от присутствия этого типа мурашки по коже не просто бегают, а натурально галопируют. Ника не удивится, если найдет потом на себе множество синяков.

Артузов собрал фото и планы в одну стопку, пододвинул к Нике:

– Это вашим специалистам в качестве рабочего материала. Как договорились, в течение трех дней я с вами свяжусь на предмет получения вами и вашими сотрудниками пропуска на территорию дачи. Что-то надо подписывать?

– Да, стандартный договор, – Ника достала из папки несколько бланков с уже готовой формой.

Артузов пристально ознакомился с документами, кивнул, достал из нагрудного кармана дорожный и толстый, словно оглобля, «паркер». Поставил в графе «подпись клиента» заковыристый автограф.

Ника отметила, что нечто в движениях руки этого типа кажется ей необычным. Что – она сказать не могла.

А потом Артузов ушел, и Ника почувствовала, насколько ей стало легче. От нахлынувшей слабости она положила голову на руки. Она была близка к обмороку.

Когда ее немного отпустило, Ника задумалась, чем могла быть вызвана столь бурная реакция на этого человека. Казалось бы, обыкновенный, ничем не примечательный. Уж точно не обладатель пугающей внешности в духе киношных страшилок, где даже самый симпатичный злодей носит на себе отпечаток безумия.

Если бы ничего другого не было и только Артузов послужил причиной такого состояния, все-таки можно было бы это списать на подсознательную антипатию к визитеру. Говорят, бывает иногда такое. Нечто вроде аллергии на человека. Но в сумме с прочим это не просто волновало: это откровенно и изрядно пугало. Если с кошмарными снами еще как-то можно было смириться, то перенос страхов на реальность не лез ни в какие ворота.

Ника подумала: а может, прав доктор Лаврентьев, и не мешало бы пройти нормальное, полноценное обследование? И вздрогнула от этой мысли, потому что фактически она означала признать себя психически нездоровой. Нику это не устраивало.

Она нажала кнопку на селекторе и попросила принести в кабинет чашку кофе. Подумав, уточнила: кофе с коньяком, чтоб сильнее подействовал.

Потом, когда в чашке уже показалось перемазанное гущей дно, Ника решила: надо подождать до следующей встречи с этим Артузовым. И если тогда ничего не изменится – она согласится на стационарное исследование.

Пришел директор, спросил, как прошла встреча. Одобрительно покивал, увидев подписанный договор. Уже в соответствии с ним агентству полагалась кругленькая сумма за выезд бригады специалистов на место. Директор пообещал, что, если дело дойдет до заключения договора о производстве работ, Ника получит хорошую премию.

Можно подумать, это имеет какое-то значение! Когда работаешь в компании, фактически принадлежащей твоему мужу, можно позволить себе не обращать внимания на зарплату.

4.

Ника решила поговорить о происшедшем с мужем. Все-таки Виктору она доверяла по настоящему. И хотела бы, чтобы он выслушал и помог.

Вечером, после ужина, когда они сидели в гостиной перед включенным телевизором, Ника взяла пульт и уменьшила звук практически до минимума. Виктор пристально посмотрел на жену.

– Что, опять проблемы? – спросил он.

– Да, не без того, – ответила Ника, подтянув колени к подбородку.

– Что случилось? – Виктор подсел ближе, осторожно обнял ее за плечи.

Ника прижалась к нему, некоторое время молчала.

– Ну, так что? – спросил муж.

Ника рассказала ему о визите Артузова и о том, в каком состоянии тот ее оставил в итоге. Виктор слушал внимательно, даже сочувственно.

Наконец спросил:

– А ты точно помнишь, что этот Артузов с тобой никогда прежде не пересекался? Я это к тому говорю, что, может, вы учились вместе или что-то в этом роде. А он был твоим недоброжелателем...

– Да нет, точно, никогда раньше я с ним не встречалась! – твердо ответила Ника.

– Тогда я даже не знаю, что сказать. А он точно вел себя нормально?

– Очень даже прилично вел. Честно говоря, весьма приятный клиент. Побольше бы таких. Если только он потом не окажется отморозком.

– Это еще как? – удивился Виктор.

– А вот так. Бывает такая категория покупателей. Они сначала ведут себя по-человечески, нормально, а потом начинаются проблемы. То им не так, это. Предъявляются претензии к суммам, выставленным нами за работу. Чаще всего им это никак не помогает, но столько крови портит нам – страшно подумать.

Виктор только покачал головой. В принципе, если дело бы дошло до серьезной грызни, он мог бы устроить «козью морду» кому угодно. Но в данной ситуации – едва ли.

– Может, тогда тебе не стоило связываться с этим типом?

– А кто мог подумать, что я так на негоотреагирую? Ну сказали – придет тип из obsługi путинской дачи. Сказали – обработать по высшему разряду. И все!

– Это да. Знать бы, где упадешь – соломки бы подстелил.

– Все равно ничего не понимаю.

Виктор обнял ее за плечи:

– Я же говорю – тебе не помешает как следует провериться у врачей. Там, в этом пансионате, очень толковые специалисты!

– Витя, я не сумасшедшая!

– А я и не говорю, что это так!

– И тем не менее ты настаиваешь на обследовании у психиатра. Или даже на стационарном обследовании. То есть ты хочешь положить меня в психиатрическую клинику.

Виктор терпеливо объяснил:

– Ника, стационар может и не понадобиться. Это самая крайняя мера, и я надеюсь, что до нее дело не дойдет. Тебя посмотрят там же и под надзором Лаврентьева, чтобы не было никаких перегибов.

– Прямо там?

– Конечно! Это же не просто место отдыха! Это в том числе реабилитационный центр. Там проходят восстановление работники ФСБ, иногда даже спецназовцы. Поверь, тамошние специалисты прекрасно знают, что такое стресс и как из этого состояния вытаскивать!

– А если это не стресс?

– Но что же еще? Ты никогда не была предрасположена к отклонениям в психике. Сама рассказывала, что даже в школе ты была на удивление спокойным ребенком и свой переходный период ты пережила без единой проблемы.

Ника покачала головой:

– Нет, я все равно боюсь.

– Ника, по-моему, сейчас все гораздо хуже. То, что происходит, сильно мешает тебе жить. И представь, что будет, если это, не дай бог, пойдет по нарастающей.

Ника всхлипнула. Ей было нечего возразить. А Виктор добавил:

– Есть еще одно. Ты только не пугайся, но такие симптомы бывают еще и в начальной стадии опухолей мозга. Не хватало только подобной проблемы! Давай мы все-таки комплексно обследуем тебя.

Ника почувствовала страх. Это был тот суеверный страх, который охватывает людей, когда речь заходит о раке. А под словом «опухоль» крайне редко подразумевают что-то иное.

Ника крепче прижалась к мужу и тихонько заплакала. Виктор гладил ее по голове, утешая.

5.

Ночью Ника просыпалась от своих кошмаров дважды. В общем сны представляли собой одно и то же – наступление чего-то неизведанного и крушение под его натиском простого, привычного мира. Кошмары не имели никаких атрибутов, традиционно свойственных этому типу сновидений. Ни тебе маньяков, ни крови, ни падений с большой высоты. Только страшное, непередаваемо мерзкое ощущение чего-то чуждого, неродного, мрачного.

Виктор с утра прочитал ей настоящую лекцию, суть которой сводилась к тому, что без подробного обследования не обойтись. Тогда Ника сказала, что немедленно запишется на прием к врачу-онкологу. Виктор хотел было устроить обследование на базе пансионата, где работал доктор Лаврентьев, но Ника наотрез отказалась, заявив, что кое в чем она и сама прекрасно разберется.

На том и порешили: Ника идет к врачу-онкологу, и если не обнаруживается ничего серьезного, то она непременно соглашается на обследование у психиатра.

Виктор уехал на работу. Ника, чувствующая себя после этой ночи разбитой, позвонила в фирму узнать, нужны ли там ее услуги. Шеф ответил, что на данный момент – нет.

Ника облегченно вздохнула и стала листать телефонный справочник Сочи в поисках нормального онколога.

Впечатление достойной кандидатуры произвел доктор из медицинского центра «Гиппократ». Ника позвонила, уточнила расписание и изъявила желание записаться на прием. Ей предложили подъехать через два часа.

Два часа ползли, как черепаха. Ника слонялась по квартире как неприкаянная. Она то сидела перед телевизором, то бралась за книгу, то намеревалась позвонить кому-то из знакомых. Но тут же отбрасывала эту мысль прочь. Ника списала все на состояние ожидания и «повешенности». Осмотр у онколога – это почти подписание смертного приговора. Мелькнула даже гадкая мысль – составить завещание. Вот так: смеху ради. Как бы отвлечь от себя беду, немного подыграв ей.

Кое-как справившись с упадническими мыслишками, Ника посмотрела на часы и увидела, что можно собираться и ехать.

Медицинский центр «Гиппократ» находился в северной части города, на небольшой зеленой улочке, на которой причудливым образом уживались в качестве озеленения несколько чахленьких пальм, обыкновенная среднестатистическая елка и дуб. Дуб как раз и стоял возле «Гиппократа». А на его стволе красовалась реклама медицинского центра. Нику откровенно передернуло от этого зрелища.

Она некоторое время потопталась перед входом, но потом собралась с духом и перешагнула порог.

После ослепительного солнца снаружи холл показался ей темным. Но, когда глаза привыкли к полумраку, оказалось, что обстановка довольно приятная, подсвеченная там, где надо, неяркими лампами. «Где надо» – это возле регистратуры, на журнальных столиках для посетителей, а также возле роскошного стенда из лакированного дерева, где висело расписание работы кабинетов.

Ника подошла к регистратурной стойке, назвалась, сказала, что ей назначено через пятнадцать минут. Молоденькая сестричка, пробежавшись пальцами по клавишам, уточнила фамилию, а потом предложила пройти на третий этаж. Нике показалось, что в глазах сестры мелькнуло сочувствие. Ну, понятно, она идет к онкологу. Вот и возникли ассоциации.

Ника поблагодарила, вошла в лифт, поднялась наверх.

Разумеется, здесь ничто не напоминало поликлиники и больницы прежних времен. Не было узких коридоров со стенами, выкрашенными тошнотворно-зеленой эмалью, не было гнусного карболочного запаха, очередей в несколько десятков человек. По коридору не ходили неопрятные санитарки. Настоящая цивилизация!

Онколог принимал в триста шестом. Ника подошла. Над деревянной дверью горел плафон с надписью: «Занято». Она села в кресло возле лимонного дерева в кадке, взяла со столика журнал, стала листать его, не особенно пытаясь вникнуть в содержание. Просто надо было как-то занять время.

Через десять минут из кабинета вышел мужчина средних лет и направился к лестнице. Ника вздохнула и зашла в кабинет.

Глава 3. Еще один

1.

Ревякин с самого утра предчувствовал, что этот день так просто не пройдет. Уж слишком хорошо он начался. Ни тебе пьяного скандала за стенкой слева – в соседнем подъезде, ни срочного вызова в пять утра, ничего вообще, что обычно имеет обыкновение портить жизнь нормальному человеку. Особенно работающему в уголовном розыске.

И на работу он приехал исключительно просто. Это уж точно должно было означать наметившуюся впереди неприятность. Ревякин дал себе жесткую установку: не расслабляться. Это не была ни паранойя, ни экзотическая разновидность мизантропии. Ревякин просто боялся сглазить.

С утра он поехал в судмедэкспертизу узнать окончательный вердикт по вчерашней покойнице. Надо было искать ниточку, хотя бы волосок, который может привести к цели, к подонку, занимающемуся на улицах города кровавой охотой.

Он поднялся в морг. Там стоял отвратительный запах. До такой степени, что у Ревякина, зашедшего с улицы, взбунтовался желудок. Потом нос привык, и стало понятно, что запах сегодня такой же, как в любой другой день.

Миновав двери прозекторских, Ревякин поднялся на второй этаж. Там находился кабинет доктора, занимавшегося всеми убийствами «серии», ведомой капитаном Ревякиным.

Доктор курил в форточку, стоя возле окна на несокрушимой армейской табуретке. Оглянувшись через плечо, увидел Ревякина, махнул ему рукой, что одновременно служило приветствием и предложением немного обождать. Сергей уселся на стол.

Доктор выбросил окурок прямо в форточку, нимало не заботясь о том, что может попасть кому-то на голову. Плюхнулся на свое место – напротив капитана.

– Ну, привет, Сережа. Что, за информацией пожаловал?

– Вроде того.

– Информация – это хорошо, – потряс костлявым пальцем патологоанатом. – Это – инструмент власти над миром. И я нисколько не преувеличиваю.

– И как, ваша информация делает меня властелином?

Доктор ехидно улыбнулся и ответил:

– Рад бы сказать, что сделает, но совести не хватит. Информации много, но она традиционная. Нисколько не превосходит количественно и качественно ту, что мы получали со всех предыдущих жертв.

Ревякин кивком поощрил доктора к продолжению.

Эксперт взял со стола папку с заключением и сопутствующими документами.

– Значит, так. Молодая девушка кавказской национальности. Предположительно чеченка. Я бы даже сказал, скорее всего. Есть некоторые особенности в организме, позволяющие это утверждать. Смерть наступила приблизительно около полудня позавчерашнего дня. Ну, тут, сам понимаешь, ничего конкретного сказать невозможно. Особенно учитывая то, что она добрых несколько часов пробултыхалась в канализации.

– Живая? – ляпнул Ревякин.

Эксперт посмотрел на него не то снисходительно, не то с укоризной:

– Ну как же – живая? Мертвая. И я никому не пожелал бы такой смерти.

Сергей изобразил на лице внимание. Эксперт пожевал губами и продолжил:

– Ну, в общем, картина примерно напоминает прежние. Жертва связывается, после чего из нее самым тщательным образом делается кусок окровавленного мяса. Причем, заметь, заживо. То есть все эти порезы, покусывания, ушибы совершаются еще при жизни несчастной жертвы. А потом следует убийство. Тоже вполне традиционное. Укол в сердце чем-то вроде стилета. Причем не банальной заточкой. На этой девушке особенно хорошо заметен характер раны – она нанесена четырехгранным лезвием колющего типа. Убивали именно таким оружием – фабричным либо мастерским, очень острым, из весьма качественной стали.

– Короче, гад хорошо подготовлен, – проговорил следователь.

– Не просто хорошо. Он прекрасно подготовлен во всех смыслах этого слова. Я не удивлюсь, если у него есть медицинское образование.

– Откуда?

– Элементарно, Сергей. Ну, может, насчет образования я загнул, но познания в анатомии человеческого организма у этого урода немалые. Выражается это в том, что подавляющее большинство ранений жертва получает еще живой. После смерти убийца только расплосковывает лицо, наносит контрольный укол в основание черепа, сквозь мозжечок. и все, пожалуй.

– А есть какая-то система в уродовании лица?

– Нет, ничего похожего. Несколько взмахов острым предметом, возможно тем же самым стилетом, и физиономия порезана на макароны. После такого опознать можно только по зубам.

– Мрачно. Отпечатки пальцев, я так понимаю, по-прежнему не проясняют дела.

– Вообще-то, сие должно быть яснее вам. Но я уже спрашивал у наших дактилоскопистов. Нет таких отпечатков в базе данных.

Ревякин вздохнул.

– А есть какие-то наводки на то, где ее убили?

Доктор открыл заключение, полистал, потом сказал:

– У нее на коленях ссадины. В них обнаружены микрочастицы дерева. То есть жертва стояла на коленях на очень плохо оструганном деревянном полу. Ну, во всяком случае, характер повреждений именно таков. Еще есть какая-то труха растительного происхождения в волосах. Похоже, что это был сарай с невысокой крышей. Или что-то наподобие шалаша.

– То есть убивали ее за городом?

Эксперт пожал плечами:

– Не могу сказать. И не стал бы ничего утверждать. У нас и в городе можно найти достаточно глухое место. С другой стороны, если ей вставляли кляп.

– А его вставляли?

– После таких повреждений, как у нее на лице, – не знаю. Хотя давай-ка подойдем в прозекторскую. Посмотрю на затылке. Если убийца пользовался кляпом, то там может остаться след. Чтобы кляп было невозможно вытолкнуть языком, его надо очень прочно фиксировать...

Они спустились в полуподвальный этаж, где находились залы для вскрытия. Эксперт и Ревякин зашли в номер второй. Там на блестящем металлическом столе, лежала вчерашняя жертва убийства.

Сейчас, под мертвенным белым светом люминесцентных ламп, она казалась ненастоящей. Будто гуттаперчевая кукла человеческого роста, приготовленная для съемок какого-то триллера или ужастика. Промытые раны темнели на голубовато-белой коже, гораздо страшнее выглядели швы от вскрытия.

Эксперт постоял около убитой, потом выглянул в коридор. Крикнул:

– Семен!

Вошел санитар – крупный детина с огненно-рыжими волосами и веснушчатым лицом. Очень похож на героя детской песенки, пристукнувшего сельскохозяйственным орудием своего старшего родственника. Еще бы Антоном звали.

– Что такое, Михаил Эрихович?

Эксперт указал на труп:

– Давай-ка перевернем ее. Надо кое-что посмотреть.

Санитар громко шмыгнул носом, залез в карман своего серого халата (серого не от грязи, а от природы), вытащил резиновые перчатки. Натянул их на свои лопатообразные лапы.

– Только ты поосторожней, – сказал доктор. – Чтоб не пришлось ее заново зашивать.

Тут Ревякин пожалел, что присутствует и слышит. Он снова почувствовал, что его мутит. Надеюсь, что не слишком позеленел внешне, он старался не смотреть в сторону стола.

Меж тем доктор и санитар сноровисто ухватили покойницу и перевернули изуродованным лицом вниз. Тело при этом издало глухой звук.

Патологоанатом осмотрел затылок жертвы.

– Знаешь, Сергей, я не нахожу здесь следов от завязок кляпа. Вообще ничего не нахожу. Так что я уверен, эта несчастная, пока была жива, так кричала, что на ее вопли сбежалось бы пол-Сочи, будь это в городе. Значит, убийство все-таки произошло вне его.

– Или просто в доме, – проговорил Ревякин.

– Или в доме. Но тогда в частном. Ты же знаешь, какая слышимость в нашей среднестатистической квартире.

– Понятно. Но от этого нисколько не легче. Потому что у нас очень много частных домов.

Ревякин вышел в коридор.

В зале зашумела вода, потом появился и подался в противоположный конец коридора рыжий Семен. Следом вышел Михаил Эрихович, отряхивавший с рук водяные капли.

– Ну, все. Пойдем, я отдам заключение. Извини, что не смог быть полезен в надлежащей степени.

– Ничего, тут же не от вас зависит. А скажите, нет ли способа как-то восстановить внешность этой девицы и других трупов?

Доктор задумался.

– Трудно сказать. В принципе, реконструировать можно по черепу. Но здесь наблюдается не только череп, но и само лицо, пусть и в непрезентабельном состоянии.

– Хорошо. Тогда второй вопрос: в нашем городе есть специалист, который смог бы сделать такую реконструкцию?

– Есть. У нас в отделе. Мой коллега. Он по специальности антрополог. А что, есть идея?

Ревякин пожал плечами:

– Ну, я попробую получить санкцию от начальства на такой шаг. Боюсь, иначе будет гораздо сложнее.

– Думаешь, позволят?

– Не знаю. Если честно, не вижу препятствий.

– А как потом объяснять родственникам, с какой стати мы выдаем их кровинушку в запечатанном гробу?

– Ее и так в запечатанном придется выдать. Состояние тела. сами понимаете.

– Попробуйте. Чем черт не шутит? Если получится – будет даже интересно. Ни разу не встречался на практике с такой методикой. Только читал, причем в художественной литературе. Есть такой американский роман – «Парк Горького»...

Ревякин кивнул – он тоже был знаком с этим произведением.

Забрав заключение, следователь отнес его в кабинет. И уже хотел идти на аудиенцию с Макаренко, но зазвонил служебный телефон. Сергей насторожился. Это явно было неспроста – как правило, его находили по мобильному телефону.

Он снял трубку.

– Ревякин слушает.

– Товарищ капитан, на диком пляже нашли еще один труп. Машина за вами уже выехала.

– Хорошо, – сказал следователь, повесил трубку и длинно выругался.

2.

Дикий пляж, пожалуй, давно уже не видел столько одетых людей. Наверное, с тех самых пор, как на его посетителей еще при Советской власти велась охота. То есть когда милицию еще заботил – пусть и для галочки – моральный облик среднестатистического отдыхающего.

Впрочем, сейчас народу дали нормально одеться. Правда, никого не отпускали до тех пор, пока не получали от него свидетельских показаний. Хотя давать их были готовы отнюдь не все. Точнее, никто не хотел.

Отдыхающие жались несколькими нестройными группками, в каждой из которых обсуждались свои варианты того, что произошло и как себя поведут доблестные правоохранительные органы.

Приехав на место происшествия, Ревякин застал уже далеко не всех отдыхающих – из числа опрошенных оставили только непосредственно тех, кто нашел труп. Прочих помаленьку фильтровали и отпускали.

– Что сегодня? – спросил Ревякин у оперативника в мешковатой рубахе в клеточку.

Тот поскреб пятерней коротко стриженную (или длинно бритую) голову и ответил:

– Да что тут? Дело дурное. Пошел мужик в кусты. За надобностью. Видит – а там вот это лежит. Ну, в смысле, жмурик наш. Замотан в полиэтилен, как мумия египетская. Этот мужик взял и развернул слегка. Интересно стало.

Тут оперативник не сдержался и хихикнул.

– Что смешного? – нахмурился Ревякин.

– А то, что бедолагу с перепугу медвежья болезньхватила. Ясно?

– Я в курсе, что такое медвежья болезнь, – отмахнулся следователь.

– Так потом этот наш орел, когда свое бомбометание закончил, поднял шум на всю округу. И началось: кто начал нам звонить, кто смотреть побежал. Повытоптали все. В придачу звонков мы получили десятка полтора. Дежурный сперва не разобрался, чуть сюда ОМОН не послали с автоматами. Потом только поняли, что паника в одном и том же месте и все звонившие про один труп говорят.

– Кто жертва? – спросил Ревякин.

– Жертва – мужик. Молодой еще, пожалуй.

– Что значит «пожалуй»?

– Изуродован до неузнаваемости. Ну, я и предполагаю, что он молодой пацан. А может статья, и не очень. Тут надо бы докторам прикинуть, что да как.

– Веди, – сказал капитан.

Опер подвел его к месту, где над телом уже корпела экспертная группа. Покойник лежал навзничь на развернутом листе полиэтилена. И зрелище он собой являл, прямо скажем, непрезентабельное.

Ревякин подошел к врачу:

– Когда убили?

– Этой ночью, – ответил тот.

Следователь почувствовал злость. Получается, что этот чертов маньяк уже окончательно слетел с катушек. Мало того что пластает людей направо и налево, так еще и делает это с пулеметной частотой. Позавчера он убил девушку, теперь вот этого...

– Идеи насчет того, сколько он здесь лежит, есть?

– Только в самых общих чертах, – ответил врач. – Судя по оттоку крови вниз, по пятнам и полному отсутствию трупного окоченения, его убили часов двадцать назад. Это было прошлое утро. Но утром сюда никто бы не повез тело. Значит, его привезли ночью. Скорее тоже почти что утром. Потому что господа нудисты тут обитают далеко за полночь.

– В общем, получается, что преступнику повезло, – сказал Ревякин. – Его запросто могли заметить. А может, и заметили. Не было ли тут ночью кого-то, кто мог видеть, как сюда привезли убитого?

Оперативник усомнился:

– Мне кажется, едва ли. Потому что тогда убийца бы заметил. И не стал бы выкидывать здесь труп.

– Не факт. Прикинь ситуацию: пара влюбленных в кустах...

– Я понял, – кивнул опер. – Только вряд ли кто признается, что он валялся в кустах.

Не тот расклад.

– Это точно. Ну ладно. Значит, видели только тело, а в остальном – голяк?

– Именно так, – кивнул оперативник.

– Это плохо. В придачу еще и позатаптывали все, черти голозадые!

Он сплюнул на песок и пошел разговаривать с теми, кто нашел труп.

Ничего нового не выяснилось. Пришли на пляж, кушали купленные по случаю помидорчики. Одному овощи впрок не пошли, скрутило живот. У туалета была очередь, и, прикинув соотношение желания и возможностей, жертва овощного террора метнулась в ближние кусты.

Дальше – все по тексту рассказанного оперативником.

Ревякин попытался раскрутить свидетеля, не видел ли он следов автомобиля, а если видел, то не разглядел ли их хотя бы приблизительно. Нет, здесь Ревякину категорически не повезло. Бедолага пошел в кусты отнюдь не затем, чтобы разглядывать автомобильные следы.

Следователь настаивал, чтобы тот хорошенько вспомнил. Перепуганный мужчина подумал и выдал очень разумную вещь. Труп, сказал он, лежал в таком месте, куда на машине просто невозможно подъехать.

Ревякин про себя высказал несколько нехороших слов по адресу нерадивых сыскарей, не отметивших столь очевидный факт, и попросил показать, где именно нашли труп. Его проводили.

Это оказалась небольшая песчаная ложинка, над которой нависал крупный куст ивы. Пожалуй, здесь на тело можно было наткнуться только в двух случаях: во-первых, если ты точно знаешь, что оно там есть; во-вторых, сдуру – вот так, как сегодня наткнулся этот наевшийся некачественных помидоров нудист.

– Вот тут тело лежало, – показал оперативник.

Можно было догадаться – вмятина на песке, множество следов вокруг: обувь, босые ступни. Потоптанная трава, обломанные ветки куста. Такое чувство, что от переизбытка впечатлений здесь порезвилась рота полноценных африканских горилл. В таком хаосе найти хоть намек на следы не смог бы, пожалуй, и сам Шерлок Холмс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.